

06 10
12 215 22
Т. В. Локоть.

Львів. Бібліотека
АН. УРСР

Оправданіє націоналізма.

Рабство русской радикальной
интеллигенціи.

Національ-демократія.

ЦѢНА 30 КОП.

Складъ изданія у автора, Кіевъ, Софійевская. 7.

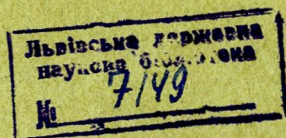
КІЕВЪ.

Типографія Акц. Общ. „Петръ Барскій“ Крещатикъ 40.

1910.

СОДЕРЖАНІЕ.

	Стр.
Источникъ демократизма	1
Демократизмъ и націонализмъ	10
Національно-демократическое міровоззрѣніе	23
Національно-демократическая партія	49
Pro domo sua (Моимъ критикамъ)	61

Источникъ демократизма.

Русская интеллигенція давно извѣстна и справедливо гордится своимъ идеалистическимъ *демократизмомъ*. И если въ настоящее время „переоцѣнка всѣхъ цѣнностей“ приводитъ даже такихъ выдающихся представителей русской интеллигенціи, какъ авторы „Вѣхъ“—Бердяевъ, Струве, Булгаковъ и др.—то къ горько-пренебрежительному отношенію къ „народничеству, народолюбію, народопоклонничеству“ русской интеллигенціи, то къ стремленію замѣнить „народъ“ въ міровоззрѣніи интеллигенціи „самоусовершенствованіемъ“ или мистическимъ развитіемъ духа въ самомъ себѣ, то это—лишь отголосокъ общей духовной реакціи, переживаемой нашей интеллигенціей, отраженіе основного недостатка ея—оторванности отъ народа.

Да! Русская интеллигенція оторвана отъ народа и въ то же время она только имъ и живетъ, только въ немъ находитъ источникъ и содержаніе своей общественно-духовной жизни и силы, только въ работѣ на пользу народныхъ интересовъ видитъ почву и основу своего прогрессивнаго демократизма! Выбросьте изъ міровоззрѣнія прогрессивной демократической интеллигенціи „народъ“, какъ центральный пунктъ, вокругъ котораго растетъ и развивается *прогрессивное* міровоззрѣніе интеллигенціи, и она потеряетъ всякій критерій, всякую руководящую нить для оцѣнки того, что прогрессивно и что не-прогрессивно, что демократично и что не-демократично. Она останется безъ всякаго общественно-духовнаго содержанія, безъ всякаго общественно-политическаго идеала.

„Народничество, народолюбіе, народопоклонничество“ русской интеллигенціи, такъ отрицательно подчеркиваемыя теперь разочарованной интеллигентской мыслью въ духѣ

„Вѣхъ“, никогда не представляло ни фетиша, ни моды для той части интеллигенціи, которая хоть сколько-нибудь искренно и сознательно ставила народъ въ центрѣ своего общественнаго міровоззрѣнія. Общія законы общественной жизни, въ частности и въ особенности—условія роста и развитія русской интеллигенціи, повелительно выдвигали и выдвигаютъ общественный коллективъ—народъ—въ качествѣ источника, изъ котораго интеллигенція черпаетъ содержаніе своей духовной и общественной жизни и силы. Вѣдь интеллигенція, какъ общественный слой, не запятый матеріально-производительнымъ трудомъ, по самой природѣ своей является тѣмъ слоемъ, который играетъ не самостоятельную, а *служебную* общественную роль. Интеллигенція *должна* жить, т. е. не можетъ не жить, интересами того или другого общественнаго класса или слоя. Конечно, этотъ классъ или слой можетъ быть и шире, и уже; но тѣсная жизненная связь интеллигенціи съ этимъ классомъ или слоемъ—неизбѣжное условіе нормальной жизненности самой интеллигенціи. Чѣмъ яснѣе, отчетливѣе дифференцировка общественныхъ классовъ и слоевъ, тѣмъ опредѣленнѣе общественное самочувствіе и самосознаніе отдѣльныхъ группъ интеллигенціи. Опредѣленность самочувствія и самосознанія интеллигенціи достигается также отчетливостью тѣхъ служебныхъ требованій, какія предъявляются производительными классами или группами къ состоящей на службѣ у нихъ интеллигенціи.

Но высокая степень общественной дифференцировки всегда сопровождается не менѣе высокимъ уровнемъ общественно-политической солидарности классовъ и группъ, не смотря на видимую борьбу ихъ. Уровень и пульсъ политической, государственной жизни является отраженіемъ этой общественной солидарности классовъ и группъ. А въ этой солидарности проявляется тотъ общественный коллективъ, который наше пока примитивное политическое сознаніе называетъ „народомъ“, и въ которомъ отдѣльные слои и группы естественно ищутъ источникъ своей общественно-духовной жизни и силы. Болѣе высоко развитое, отчетливое политическое сознаніе западно-европейской интеллигенціи вмѣсто „народа“ ставитъ націю, государство; менѣе отчетливое сознаніе русской интеллигенціи до сихъ поръ олице-

творяло общественный коллективъ въ сборномъ, мало дифференцированномъ понятіи „народъ“,—но общественно-политическая сущность и въ томъ, и въ другомъ случаѣ остается тождественной: для полноты и уравниженности самочувствія и самосознанія всякая общественная группа,—особенно группа социальна не самостоятельная, служебная,—нуждается въ ощущеніи своей тѣсной связи съ болѣе общимъ и сильнымъ общественнымъ коллективомъ—народомъ, націей, государствомъ, наконецъ—при крайнемъ выраженіи идеализма—человѣчествомъ, коллективомъ съ реальной точки зрѣнія—фиктивнымъ.

Только общественные коллективы являются источникомъ болѣе крупныхъ проявленій той *общественной* жизни, которая и отдѣльнымъ единицамъ или болѣе мелкимъ общественнымъ группамъ даютъ ощущеніе и сознаніе силы, импульсы къ росту, развитію, словомъ—даютъ жизненную энергію. Чѣмъ крупнѣе коллективы и чѣмъ крупнѣе проявленія общественной жизни, создаваемые этимъ коллективомъ, тѣмъ полнѣе и ярче жизнь единицъ и мелкихъ общественныхъ группъ, и наоборотъ: чѣмъ мельче, разобщеннѣе, безсвязнѣе коллективъ и чѣмъ угнетеннѣе общественныя проявленія этого коллектива, тѣмъ эффектнѣе проявленія внутренней общественной реакціи, переживаемыя единицами и мелкими общественными группами.

Только въ жизни общественныхъ коллективовъ кроются истинные источники частичныхъ внутреннихъ переживаній единицъ и мелкихъ общественныхъ группъ. Если мы прослѣдимъ хотя бы самымъ бѣглымъ образомъ главнѣйшіе моменты въ исторіи общественныхъ переживаній русской интеллигенціи, мы съ поразительной ясностью увидимъ зависимость этихъ переживаній отъ соотвѣтственныхъ переживаній того великаго общественного коллектива, который русская интеллигенція до сихъ поръ называетъ „народомъ“, глубоко справедливо связывая свою жизнь съ жизнью этого коллектива, ставя его центромъ своего общественного міровоззрѣнія. Будемъ ли мы вести родословную русской интеллигенціи отъ Радищева и Новикова, или начнемъ ее только съ 30—40-хъ годовъ 19-го столѣтія—съ Вѣлинскаго, Герцена и славянофиловъ, мы не станемъ отрицать того, что центральной идеей, окрашивавшей все

міровоззрѣніе русской интеллигенціи съ самаго момента ея появленія на общественной сценѣ, была идея *освобожденія крестьянъ*, т. е. идея, самымъ тѣснымъ образомъ связанная съ жизнью великаго коллектива—многомилліонной массы крестьянства, вполне справедливо присвоивавшаго болѣе широкій общественный титулъ—*народа*. Да, въ то время, а также въ позднѣйшее—въ періодъ освобожденія крестьянъ, и даже вплоть до настоящаго—крестьянство, съ русской общественной точки зрѣнія, это дѣйствительно—народъ, т. е. какъ бы синонимъ націи, государства. Пусть въ этомъ „народѣ“ и тогда, и тѣмъ болѣе теперь, былъ и все сильнѣе развивается процессъ дифференціаціи, расчлененіе безформеннаго, однообразнаго коллектива на составляющія его, органически все таки тѣсно связанныя, части, группы, отчасти даже какъ будто съ прямо противоположными интересами, но для единицъ и для такихъ болѣе мелкихъ общественныхъ группъ, какъ интеллигенція, *народъ* все же оставался, остается и долженъ оставаться центральнымъ пунктомъ міровоззрѣнія и всей общественно-служебной жизни. Идея освобожденія крестьянъ давала основное содержаніе духовному облику русской интеллигенціи вплоть до 1861 года. Эта же идея создавала психологическую устойчивость, цѣльность и силу общественному самочувствію интеллигенціи того времени. Что эта идея покоряла, подчиняла себѣ интеллигенцію, выходившую не только изъ низовъ населенія, но и изъ самыхъ верховъ имущей аристократіи, въ этомъ нѣтъ ровно никакого противорѣчія съ точкой зрѣнія силы и значенія общественнаго коллектива: отдѣльныя общественныя группы органически связаны между собою, и эта связь находитъ свое отраженіе именно въ коллективѣ—въ народѣ, въ націи, въ государствѣ. Коллективъ болѣе или менѣе полно подчиняетъ себѣ части, и это подчиненіе выражается въ міровоззрѣніи единицъ и мелкихъ группъ. Широкое распространеніе и господство идеалистическаго демократизма въ русской интеллигенціи, весьма разношерстной по своему классовому, групповому характеру, говоритъ только о томъ, что общественные интересы народныхъ массъ—демократіи—съ момента общественнаго зарожденія идеи освобожденія крестьянъ и до настоящаго времени являются господствующими, наибо-

лѣе повелительными въ общественномъ сознаніи коллектива—народа, государства.

И мы естественно видимъ, какъ лучшая, болѣе чуткая и болѣе образованная часть дворянства и самыхъ верховъ аристократіи, не только угадывая или сознавая свои „классовые интересы“, но и подчиняясь настоящему велѣнію коллектива, какъ центра координаціи классовыхъ и групповыхъ интересовъ, становится рѣшительной сторонницей освобожденія крестьянъ и неизбѣжно вызванныхъ имъ демократическихъ реформъ 60-хъ годовъ. Мы видимъ, какъ эта часть дворянства и аристократіи вполне искренно, съ глубокимъ общественнымъ увлеченіемъ отдается и практической работѣ на пользу „народа“, т. е. почти исключительно многомилліонной массы крестьянства. Мы видимъ, какъ литература всего 19-го столѣтія вся отдается отраженію этого идеалистическаго демократизма той общественной группы, классовые интересы которой, казалось бы, должны бы были толкать ее только на путь своей самозащиты отъ надвигающейся демократической лавины, неизбѣжно угрожающей классовой борьбой съ своими прежними „господами“. Мы видимъ далѣе, какъ господствующая общественная группа сама же охотно поддерживаетъ тѣ общественныя и государственныя мѣры и начинанія, которыя должны были неминуемо самымъ сильнымъ образомъ форсировать ростъ той „разночинной“ интеллигенціи, того „третьяго элемента“, который—точно такъ же неминуемо—долженъ былъ посягнуть и на „интеллигентскую“ роль господствующей группы, на ея духовное руководство жизнью общественнаго коллектива. Крестьянство, какъ матеріально-производительный классъ, готовилось—всею „эпохой великихъ реформъ“,—къ классовой, экономической борьбѣ съ дворянствомъ; быстро нарастающая разночинная интеллигенція той же эпохой готовилась къ борьбѣ съ дворянствомъ за интеллектуально руководящую роль въ общественно-политической жизни страны. И тѣмъ не менѣе довольно замѣтная часть дворянства проникалась достаточно искренно и достаточно полно идеалистическимъ демократизмомъ. Разночинная интеллигенція, по самому соціальному своему характеру и происхожденію, не могла не быть демократической. Получилась картина полного, сплошнаго демокра-

тизма всей русской интеллигенціи, начиная отъ ея демократическихъ низовъ и кончая аристократическими верхами! И истинная причина этого нисколько не поразительнаго для русскаго сознанія явленія,—поражающаго только болѣе дифференцированный въ общественномъ смыслѣ Западъ,—кроется несомнѣнно въ жизни, въ интересахъ и въ настоятельныхъ общественныхъ потребностяхъ, требованіяхъ *народа*, какъ коллективнаго цѣлаго. Что въ этомъ коллективномъ цѣломъ интересы одной его части, правда—поражающе болѣе многочисленной, преобладаютъ, говорятъ громче, сильнѣе, настойчивѣе, это—и понятно, и законно. Но такъ же понятно и законно и то, что интересы другихъ частей коллектива до поры до времени даже какъ бы совсѣмъ о себѣ не говорили!

Но это могло продолжаться только до поры до времени. Всякой общественной группѣ, всякой части общественного коллектива, свойственъ до извѣстной степени *групповой эгоизмъ*, толкающій группу на борьбу за свои интересы съ другими группами. Групповой эгоизмъ, такъ же, какъ напр. эгоизмъ національный, самъ по себѣ представляетъ начало нормальное, здоровое. Чѣмъ выше самосознаніе группы, такъ же какъ и самосознаніе націи, тѣмъ опредѣленнѣе въ ней и групповой или національный эгоизмъ. Но высокая степень группового самосознанія влечетъ за собой столь же высоко развитое чувство и сознаніе общественной солидарности отдѣльныхъ группъ, составляющихъ общее коллективное цѣлое—народъ, государство. Въ культурномъ общественномъ коллективѣ борьба частей пріобрѣтаетъ поэтому разумный характеръ: борьба, даже самая упорная, отлично знаетъ и необходимость уступокъ, соглашенія, а иногда—и полнѣйшей солидарности дѣйствій для достиженія общевыгодныхъ цѣлей.

Какъ бы то ни было, борьба представляетъ болѣе обычное, болѣе постоянное состояніе общественныхъ группъ, чѣмъ затишье борьбы или полное объединеніе группъ. Въ періоды обостренія борьбы степень общаго вліянія коллектива на части ослабѣваетъ. Ослабѣваетъ вмѣстѣ съ нимъ и источникъ объединяющихъ вліяній въ сферѣ общественнаго сознанія, общественнаго міровоззрѣнія.

Это мы и видѣли на русской интеллигенціи въ пері-

одъ 80—90-хъ годовъ. Реакція анти-дворянскому духу въ дворянствѣ, сопровождавшаяся соотвѣтственнымъ направле-
ніемъ общественно-политической дѣятельности господствующей группы въ этотъ періодъ, разбила дружную, цѣльную атмосферу идеалистическаго демократизма русской интеллигенціи, напрасно воображавшей, что она, какъ интеллигенція, представляетъ нѣчто единое и цѣльное. Въ жизни интеллигенціи наступила полоса унынія и разброда. Классовая борьба двухъ основныхъ общественныхъ группъ—крестьянства и дворянства—при отсутствіи дифференцированного общественного самосознанія отдѣльныхъ группъ, на которыя распадались уже и крестьянство, и дворянство, и интеллигенція,—неизбѣжно внесла смуту въ проникнутые идеализмомъ ряды русской демократической интеллигенціи. И мы пережили соотвѣтственную картину духовнаго разлада и неустойчивости въ общественномъ самочувствіи русской интеллигенціи въ періодъ 80—90-хъ годовъ.

Наконецъ, только что пережитая „эпоха революціи“, оставившая—въ качествѣ здороваго наслѣдія—зародышъ народно-представительныхъ законодательныхъ учрежденій въ Россіи, снова выдвинула на авансцену общественной жизни интересы великаго коллектива—народа, націи, государства,—и мы видѣли огромную волну подъема общественнаго настроенія и самочувствія русской интеллигенціи: общее, народное дѣло—независимо отъ того, правильно ли оно понималось и осуществлялось—снова и снова объединило, сплотило и въ огромной степени увеличило общественную силу интеллигенціи!

Это не потому, что въ самой интеллигенціи таился источникъ этой силы, не потому, что она развила эту силу напряженной работой общественнаго сознанія,—а прежде всего и больше всего потому, что поднялся на это великое и трудное дѣло *народъ*, общественный коллективъ, захватившій въ свою волну, какъ извѣстно, снова и снова самые разнообразные, по существу—почти прямо противоположныя—общественныя группы и элементы. Снова мы видимъ въ „освободительномъ движеніи“ самые демократическіе низы въ тѣсномъ—на данный моментъ—единеніи съ самыми аристократическими верхами; видимъ даже единство общественнаго сознанія, такъ какъ только отдѣльныя, очень

немногія единицы изъ несходныхъ общественныхъ группъ сохраняють ясность эгоистическаго групповаго сознанія и не даютъ увлечь себя общимъ, *народнымъ* потокомъ. И въ этомъ великомъ, историческомъ проявленіи жизни общественнаго коллектива интеллигенція, снова почувствовавшая свое единство и свой блестяще яркій идеалистическій демократизмъ, возмнила себя если не творцомъ, то во всякомъ случаѣ руководителемъ общественнаго коллектива—народа, націи, государства. Соотвѣтственно съ этимъ возросли и общественно-политическія претензіи, притязанія интеллигенціи.

Но не въ мѣру выраженный идеализмъ интеллигенціи, ведущій только къ наивностямъ въ практической политикѣ, въ этотъ—слишкомъ ужъ серьезный, почти роковой для страны—историческій моментъ предуготовилъ жестокое испытаніе для интеллигенціи и для ея истиннаго демократизма: пораженіе въ борьбѣ, наступившее за тѣмъ глубокое уныніе, угнетеніе въ общественномъ самочувствіи интеллигенціи! Отсюда—нашедшее, повидимому, довольно широкій откликъ въ интеллигенціи попятное движеніе отъ „народа, народничества и народопоклоненія“, отразившееся въ „Вѣхахъ“; отсюда же съ другой стороны и та вялость, робость, нерѣшительность передъ очевидной, громко зовущей необходимостью серьезной „переоцѣнки всѣхъ цѣнностей“, пересмотра и переработки самыхъ основъ того прогрессивно-демократическаго міровоззрѣнія, которымъ все время жила русская интеллигенція, даже не замѣчая, какъ это міровоззрѣніе засорялось и искажалось элементами безличнаго космополитизма, нашедшаго благодарную почву въ російскомъ „идеализмѣ“, т. е. въ отсутствіи реализма мысли у русской интеллигенціи. Застигнутая и пораженная врасплохъ, русская демократическая интеллигенція особенно рельефно проявляетъ рабство передъ болѣе бодрымъ интернаціональнымъ космополитизмомъ! Само попятное движеніе передъ „народомъ, народолубіемъ и народопоклоненіемъ“ можно ставить въ причинную связь съ этимъ рабствомъ передъ космополитическимъ духомъ русскаго интеллигентскаго міровоззрѣнія: для космополитизма было бы очень и очень на руку, если бы русская интеллигенція отказалась отъ своего „народа“, какъ центра своего общественнаго міровоз-

зрѣнія, т. е. другими словами—если бы русская интеллигенція окончательно потеряла свой *національный* обликъ! Для скрытыхъ и явныхъ, сознательныхъ и инстинктивныхъ враговъ національнаго самосознанія русской интеллигенціи „народъ“ въ качествѣ центра міровоззрѣнія, есть постоянная угроза пробужденію національнаго чувства и національнаго самосознанія русской интеллигенціи. А пробудится это чувство и это самосознаніе, и космополитизму русской интеллигенціи наступитъ конецъ! Наступитъ въ то же время конецъ и тому „идеализму“ русской интеллигенціи, который равносильнъ простому отсутствію реализма мысли. Интеллигенція станетъ реалистично-демократической, т. е. *національно-демократической*. Она пойметъ, что и общественно-политическая жизнь есть поле непрестанной, нерѣдко весьма острой борьбы *группъ* съ болѣе или менѣе однородными интересами, и среди этихъ группъ весьма немаловажное мѣсто занимаютъ группы національныя, не смотря на то, что онѣ разнородны по соціально-экономическому характеру своихъ частей. А разъ интеллигенція пойметъ и прочувствуетъ эту основную, элементарную, но не всегда для интеллигенціи очевидную истину,—конецъ господству космополитическаго демократизма, т. е. того общественнаго міровоззрѣнія, которое сейчасъ деспотически поработачаетъ русскую интеллигенцію и съ такимъ упорствомъ и ожесточеніемъ борется за свое господство, за свою монополію на деспотическое поработаніе русской интеллигенціи!

Не *истина* и тѣмъ болѣе не демократизмъ космополитическаго міровоззрѣнія, по существу возбуждающій серьезные сомнѣнія, вызываютъ ожесточенное противодѣйствіе этого міровоззрѣнія самому *принципу націонализма*, — а только желаніе деспотически властвовать надъ общественнымъ сознаніемъ! Желаніе, отвѣчающее, конечно, реальнымъ интересамъ отдѣльныхъ группъ, принимающихъ участіе въ общественной борьбѣ: это тѣ національныя группы, для которыхъ пробужденіе національнаго самосознанія въ другихъ группахъ является невыгоднымъ или даже опаснымъ для ихъ экономическаго, а слѣдовательно и культурнаго, духовнаго господства въ странѣ, въ общественномъ коллективѣ. Это—обычно такъ называемыя *инородческія* группы, т. е. ино-національныя, не смѣшивающіяся съ преобладаю-

щими національностями общественнаго коллектива, но имѣющія экономическую и культурную силу для того, чтобы играть въ этомъ крупномъ коллективѣ если не господствующую, то руководящую роль. У насъ въ Россіи такую инородческую группу представляютъ въ особенности *евреи*. Они-то и являются у насъ наиболѣе убѣжденными, даже ожесточенными противниками націонализма и quasi—сторонниками крайняго демократизма. Но мыслимъ ли истинный демократизмъ внѣ націонализма?

Демократизмъ и націонализмъ.

Почему русская интеллигенція эпохи до и послѣ освобожденія крестьянъ съ полнымъ правомъ можетъ быть названа не только прогрессивной, но и демократической? Почему два основныхъ теченія русской общественной мысли—западническое и славянофильское—въ эпоху 40—60-хъ годовъ въ сущности шли по одному общему руслу, и ихъ рѣзкое, непримиримое расхожденіе начинается только послѣ освобожденія крестьянъ, съ выступленіемъ на сцену „инородческаго“ вопроса, встрѣтившаго такого сильного противоборника въ лицѣ бывшаго западника Каткова, рѣзко раздѣлившаго достаточно единую до тѣхъ поръ русскую прогрессивно-демократическую интеллигенцію на два уже почти непримиримыхъ теченія: космополитически-прогрессивное и національно-консервативное, изъ которыхъ первое оспаривало для себя исключительную честь считаться демократическимъ, а второе совершенно напрасно и даже мало основательно стало отказываться отъ этой чести?...

На всѣ эти вопросы мы едва-ли можемъ дать правильные, объективные отвѣты, если не будемъ рѣшать ихъ опять таки съ точки зрѣнія отношенія интеллигенціи къ общественному коллективу—къ народу, націи, государству.

И западническое, и славянофильское теченіе русской общественной мысли были вначалѣ въ одинаковой степени демократичны потому, что оба они реальнымъ центромъ своего міровоззрѣнія имѣли народъ, націю, т. е. почти исключительно многомилліонную массу русскаго крестьянства, требовавшего—какъ коллективъ—освобожденія отъ узъ

крѣпостного права, ставившаго этимъ своимъ требованіемъ основную, глубочайшую задачу государству и всей общественной интеллигентной мысли того времени. Эта основная задача объединяла русскую интеллигенцію на почвѣ служенія *народу*. Народъ представлялся тогда въ видѣ однородной не только въ социально-экономическомъ, но и въ *національномъ* отношеніи массы. Это былъ—*русскій* народъ, т. е. главнымъ образомъ, почти исключительно—русскія крестьянскія массы. Національныхъ различій, національной борьбы въ этомъ огромномъ общественномъ коллективѣ тогда почти еще не было. Да этой *борьбы* и не могло быть тогда, такъ какъ общенародная, общегосударственная цѣль и задача—освобожденіе крестьянъ—касалась совершенно одинаково и великороссовъ, и малороссовъ, и бѣлорусовъ. Инородцы, по крайней мѣрѣ, наиболѣе сильные изъ нихъ—евреи, поляки, нѣмцы и др., какъ національныя группы, не были заинтересованы въ великой задачѣ русскаго общественнаго коллектива, такъ какъ эти національныя группы въ то время уже не знали крѣпостного права, и прогрессивно-демократическое движеніе русской интеллигенціи того времени совершалось въ сущности помимо этихъ національныхъ группъ, являлось поэтому однороднымъ, сплоченнымъ и въ своемъ *національномъ* составѣ.

Поэтому общественное міровоззрѣніе интеллигенціи того времени мы съ полнымъ правомъ можемъ назвать не просто демократическимъ, а именно—*національно-демократическимъ*, такъ какъ интеллигенція была достаточно проникнута національной идеей, чувствовала живую связь свою именно съ русской націей, какъ національнымъ коллективомъ, она знала, какому именно *народу* она служитъ или хочетъ служить, ея кровная связь съ этимъ народомъ не была порвана, не смотря на то, что въ западническомъ теченіи уже начиналось разрушеніе одной изъ коренныхъ основъ этой связи—религіозной.

Въ *національномъ* отбѣнкѣ міровоззрѣнія интеллигенціи эпохи великихъ реформъ коренится и истинность его демократизма, и причина того, что западническое и славянофильское теченія могли долгое время вмѣщаться въ общемъ руслѣ.

Отмѣтимъ однако характерное и чрезвычайно интересное явленіе въ области національнаго самосознанія русской интеллигенціи того времени. Не смотря на то, что прогрессивно-демократическое настроеніе интеллигенціи того времени являлось достаточно единымъ и дружнымъ, уже и тогда возникаютъ прогрессивно-демократическія *національ-ныя* движенія, прежде всего — движеніе украинское, малорусское: Шевченко, Кулишъ, Костомаровъ и—особенно опредѣленно—Драгомановъ. Никто не осмѣлится назвать этихъ яркихъ націоналистовъ не демократичными, не прогрессивными. И тѣмъ не менѣе въ общественномъ міровоззрѣніи этихъ представителей національнаго малорусскаго самосознанія, особенно у Драгоманова, вполне опредѣленно выступаетъ та мысль, что внѣ національнаго самосознанія истинный демократизмъ невозможенъ, невысказанъ. Предъ истиннымъ демократомъ прежде стоитъ задача *служенія народу*. Какому же „народу“ — спрашиваютъ истинные демократы: великорусскому, малорусскому, еврейскому, армянскому...? Видъ только отдѣльныя, исключительныя единицы изъ интеллигенціи могутъ посвящать свои силы такимъ отраслямъ духовнаго труда, которыя носятъ *общечеловѣческій* характеръ, напр. наукѣ, литературѣ, искусству. Конечно, такой интеллигентъ, отдавая трудъ, имѣющему общечеловѣческій, а не групповой, характеръ, можетъ быть демократичнымъ по своимъ субъективнымъ отношеніямъ къ народнымъ массамъ, по своимъ частнымъ отношеніямъ къ „народу“; но онъ можетъ и не быть таковымъ, хотя его трудъ тѣмъ не менѣе будетъ имѣть значеніе и для народныхъ массъ, для демократіи. Правда, даже и въ наукѣ, и въ литературѣ, и въ искусствѣ демократизмъ авторовъ можетъ сказываться въ выборѣ предметовъ и сторонъ, разработкѣ которыхъ посвящаютъ себя авторы. Но—въ общемъ—и для науки, и для литературы, и для искусства на первомъ мѣстѣ остается истина, красота, а не интересы тѣхъ, для кого эта истина и красота создается, устанавливается.

Однако, отдавать свои силы такимъ отраслямъ труда, которыя охватываютъ общечеловѣческіе, а не групповые, интересы, повторяемъ, могутъ только исключительныя единицы. Рядовая же интеллигенція вынуждена обслуживать менѣе широкія, часто даже совсѣмъ узенькія, частичныя отрасли

труда, захватывающія интересы только небольшихъ общественныхъ группъ, иногда даже отдѣльныхъ единицъ. Борьба этихъ частичныхъ группъ и отдѣльныхъ единицъ, поскольку онъ зависитъ отъ свободной воли интеллигенціи, уже характеризуетъ ту или иную степень демократичности профессиональнаго труда интеллигенціи. Наконецъ, демократичность міровоззрѣнія проявляется и имѣетъ значеніе не столько въ области личнаго профессиональнаго труда интеллигенціи, сколько въ области общественныхъ отношеній и общественной дѣятельности. Въ этомъ отношеніи интеллигенція ни въ какомъ случаѣ не можетъ миновать проблемы націонализма, не можетъ пройти мимо вопроса о томъ, какой національной группѣ должна быть прежде всего и больше всего посвящена ея работа. Въ этомъ смыслѣ постановка вопроса такими демократическими націоналистами, какъ Драгомановъ, — „какому именно народу, т. е. какой именно національной группѣ должна быть больше всего и прежде всего посвящена работа интеллигенціи“, — является глубоко правильной, единственно реальной. Жизнь не знаетъ не только *человѣчества*, какъ однороднаго по своему составу коллектива, но не знаетъ и *народа*, какъ такого же однороднаго коллектива. И народъ, въ смыслѣ его *массъ*, занятыхъ по преимуществу производительнымъ трудомъ, распадается на группы не только по социальнымъ и экономическимъ признакамъ, но и по признакамъ естественнымъ, — этнографическимъ, національнымъ. Эти послѣдніе признаки, какъ естественные, данныя отъ самой природы, являются даже болѣе первичными, болѣе прочными, болѣе, такъ сказать, обязательными въ жизненномъ смыслѣ. Группировка по національнымъ признакамъ началась раньше, чѣмъ группировка по социально-экономическимъ признакамъ. Поскольку однородность признаковъ, по которымъ спаиваются, объединяются человѣческія группы, является факторомъ группировки, мы очевидно должны за національными признаками, какъ естественными и первичными, признать болѣшую силу, болѣшую роль въ дѣлѣ роста общественной солидарности, — этого основнаго условія общественности, — чѣмъ за признаками вторичными, производными. Отрицать наличность и спаивающее, цементирующее значеніе национальныхъ признаковъ реальная общественная мысль.

не можетъ и не должна, такъ какъ это противорѣчило бы очевидной дѣйствительности и нарушало бы основную задачу человѣческой культуры, прогресса—усиленіе общественности, общественной солидарности, нарушало бы прежде всего и больше всего интересы именно демократіи,—народныхъ массъ, для которыхъ—въ силу болѣе низкаго уровня ихъ общей культуры—развитіе общественной солидарности особенно необходимо и въ тоже время особенно трудно. Всякій факторъ общественной цементации особенно важенъ именно для народныхъ массъ, для демократіи. И когда космополитически прогрессивное міровоззрѣніе съ такимъ ожесточеніемъ нападаетъ на принципы національнаго объединенія народныхъ массъ подъ тѣмъ предлогомъ, будто эти принципы только порождаютъ одну эгоистическую борьбу и взаимное озлобленіе между національностями, то здѣсь кроется или недоразумѣніе, или сознательная ложь, но ни въ какомъ случаѣ не истинный демократизмъ!

Борьбы мы не можемъ, конечно, выбросить изъ жизни. Борьба—начало и условіе жизни. Борются индивидуумы въ группахъ; борются группы съ группами; борются народы съ народами. Но кромѣ борьбы есть и начало солидарности, начало единенія. Индивидуумы объединяются въ группы, начиная отъ такой групповой ячейки, какой является семья, и кончая такими крупными группами, какъ отдѣльныя національности и отдѣльныя *классы*, носящія уже разнонаціональный характеръ, такъ какъ основой, цементомъ ихъ объединенія являются соціально-экономическіе, а не національные признаки. Наконецъ, національности и классы объединяются въ государства, въ *націи*: государство—отраженіе и выраженіе соціальнаго, правового объединенія группъ; нація—отраженіе и выраженіе объединенія національныхъ группъ. *Русская нація*, какъ субъектъ, представитель и обладатель русскаго государства, конечно, включаетъ въ себя всѣ тѣ національности, которыя объединены подъ общимъ скипетромъ русской верховной власти; всѣ онѣ имѣютъ право на обладаніе той долей правъ и преимуществъ, связанныхъ съ государствомъ, какая соответствуетъ долѣ историческаго и фактическаго участія каждой изъ нихъ въ созданіи государства. Но цементировка общественная начинается, конечно, не съ государства, а съ

болѣе первичныхъ общественныхъ группъ. Мало того,—солидарность и единство государственныя поневолѣ до нѣкоторой степени имѣютъ даже принудительный характеръ, такъ какъ эта солидарность, это единство подразумѣваютъ *соглашеніе, координацію* интересовъ и претензій весьма разнородныхъ группъ, входящихъ въ государство. Это соглашеніе, эта координація представляетъ равнодѣйствующую въ борьбѣ групповыхъ эгоизмовъ: вполнѣ естественно каждая общественная группа, какъ соціально-экономическаго, такъ и національнаго характера, хотѣла бы именно себѣ обезпечить возможно большія выгоды, создаваемыя и гарантируемыя государствомъ,—и только упорная, дружная, возможно болѣе сознательная борьба другихъ сплоченныхъ группъ за тѣ же выгоды создаетъ въ концѣ концовъ жизненно возможную и жизненно справедливую равнодѣйствующую, закрѣпляемую и выражаемую *закономъ*. Вполнѣ естественно и справедливо, что законъ не можетъ совершенно одинаковымъ образомъ удовлетворять интересы и претензіи *всѣхъ* группъ, объединяемыхъ государствомъ. Идеальнымъ требованіемъ отъ закона является требованіе *защиты* болѣе слабыхъ группъ,—такъ какъ только при этомъ условіи возможно объединеніе этихъ группъ съ болѣе сильными группами. Требованіе „полнаго равенства“, „полнаго равноправія“, выставляемое съ такимъ quasi-демократическимъ энтузіазмомъ космополитическими теченіями, представляетъ и абсурдъ съ точки зрѣнія реального соотношенія силъ, и злостное предательство интересовъ слабѣйшихъ общественныхъ группъ, какъ соціально-экономическихъ, такъ и національных: дать сильнымъ группамъ права, равныя съ правами слабыхъ группъ, это значитъ—предать эти группы въ общественное рабство ихъ сильныхъ соперниковъ по жизненной борьбѣ! Законъ, Государство не только не можетъ этого сдѣлать, оно не должно этого дѣлать, въ интересахъ той общественной справедливости, которая одна только гарантируетъ жизненную прочность Государства!

Истинные демократы,—а они по самому существу демократизма должны быть національными, т. е. обслуживать интересы опредѣленной національной группы, къ которой сами принадлежатъ,—не должны забывать *реальныхъ ин-*

интересовъ своихъ національныхъ группъ, должны объективно сравнивать положеніе и силы своихъ національныхъ группъ съ положеніемъ и силами другихъ національныхъ группъ, и въ программѣ своей общественно-политической дѣятельности должны вступать въ справедливое *соглашеніе* съ этими другими группами, но ни въ коемъ случаѣ не ити на приманку *абсолютнаго равенства*, выгоднаго—въ данный моментъ—для болѣе сильныхъ группъ, но весьма невыгоднаго для слабыхъ группъ. Если еврейская, польская, нѣмецкая и т. п. національныя группы въ данный моментъ являются болѣе сильными, чѣмъ группы великорусская, малорусская, бѣлорусская и т. п., то для демократической интеллигенціи, принадлежащей къ этимъ національнымъ группамъ было бы истиннымъ *предательствомъ* интересовъ народныхъ массъ этихъ группъ включать въ программу своего общественнаго міровоззрѣнія принципы абсолютнаго равенства всѣхъ національныхъ, такъ же, какъ и всѣхъ соціально-экономическихъ группъ, въ общественно-политическихъ правахъ! А для демократической интеллигенціи болѣе сильныхъ національныхъ группъ—еврейской, польской, нѣмецкой и т. п.—настаивать на такомъ равенствѣ было бы проявленіемъ неприкрытаго, безудержнаго національнаго эгоизма, клонящагося только къ полному порабоженію болѣе слабыхъ группъ, т. е. къ полному нарушенію принциповъ истиннаго демократизма и той общественной справедливости, внѣ которой прочное существованіе и нормальное развитіе Государства не мыслимо. Истинно-демократическій и въ тоже время истинно-государственный принципъ требуетъ *справедливаго соглашенія, координаціи* интересовъ отдѣльныхъ общественныхъ группъ, въ томъ числѣ и группъ національных; эта координація требуетъ уступокъ со стороны болѣе сильныхъ группъ въ пользу болѣе слабыхъ, а никакъ не порабоженія сильными слабыхъ. Эти уступки, какъ результатъ жизненной борьбы, въ то же время не обозначаютъ угнетенія одними группами другихъ. Онѣ—только равнодѣйствующая борьбы, нисколько не противорѣчащая общественной, государственной солидарности борющихся группъ. Борются необходимо. Тѣ группы, которыя заснутъ въ своей групповой бездѣтельности, неизбѣжно будутъ порабожены болѣе активными

групами. Силу каждой группы нужно развивать путем объединенія, самосознанія и активного упражненія; а координировать взаимные интересы борющихся групп можно и должно съ полнымъ сознаниємъ силы и достоинства сторонъ, съ полнымъ уваженіемъ *справедливыхъ* требованій каждой изъ нихъ. Скажемъ, рускія національныя группы могутъ и должны бороться—общественно, политически—съ еврейской, польской, нѣмецкой и т. п. группами, но въ то же время онѣ будутъ и должны уважать справедливыя требованія этихъ своихъ болѣе сильныхъ соперниковъ, не говоря уже объ уваженіи общечеловѣческихъ правъ личности. Группы—въ лицѣ своихъ сознательныхъ общественно-политическихъ руководителей—договариваются съ сознаниємъ взаимныхъ силъ и достоинства о своихъ общественно-политическихъ правахъ, выражаемыхъ и закрѣпляемыхъ въ законодательствѣ. Это—ни въ какомъ случаѣ не „національная вражда“, не „взаимное національное истребленіе“, не „человѣконеаистничество“,—а только здоровое начало групповой общественной борьбы, руководимое реальнымъ пониманіемъ и сознаниємъ соотношенія общественныхъ силъ. Это—демократическій націонализмъ, замѣнить который демократическимъ космополитизмомъ возможно и законно было бы только тогда, когда всѣ національныя группы сдѣлались бы равносильными, въ смыслѣ степени сознательности и культурности своихъ членовъ, гарантирующихъ дѣйствительное равенство въ жизненной борьбѣ. Осуществится это условіе, и націонализмъ, какъ выраженіе групповой обособленности, необходимое въ качествѣ средства къ групповой самозащитѣ и къ росту групповой солидарности, станетъ излишнимъ. Жизненно равныя станутъ дѣйствительно равными; они будутъ бороться, какъ равныя, и ограниченіе правъ однихъ въ пользу другихъ путемъ законодательства станетъ не нужнымъ. *Равноправіе* будетъ тогда отраженіемъ *равносилія*, а равносиліе будетъ гарантировать истинное, реальное *равенство*.

Таковы логически необходимыя, неизбѣжныя предпосылки истиннаго общественно-политическаго демократизма, который, при наличныхъ условіяхъ борьбы общественныхъ группъ, не можетъ не быть національнымъ: національныя группы—реальныя группы, которыхъ ни отрицать, ни иг-

норировать невозможно, и укрѣпленіе солидарности, сплоченности которыхъ необходимо въ интересахъ правильной, успѣшной борьбы за культурный ростъ группъ, т. е. прежде всего — за культурный ростъ демократическихъ массъ этихъ группъ.

Такъ мы можемъ формулировать основные принципы демократическаго націонализма, проявившагося и въ русскомъ національномъ самосознаніи еще въ то время, когда національно-демократически настроенная русская интеллигенція была въ достаточной степени объединенной. Такой націонализмъ нѣмало мѣшалъ общему великому дѣлу, которому служила и которымъ жила русская интеллигенція эпохи великихъ реформъ. Существованіе націонализма малорусскаго и бѣлорусскаго рядомъ съ націонализмомъ великорусскимъ не мѣшало общерусскому національному единству, не вызывало раскола и въ рядахъ общерусской интеллигенціи.

Но закончилось великое общее дѣло, объединявшее русскую интеллигенцію, — освобожденіе крестьянъ. Произошло польское возстаніе, это рѣзкое проявленіе польскаго аристократическаго націонализма, не захотѣвшаго правильно посчитаться съ реальнымъ соотношеніемъ силъ и съ интересами польской же демократіи. Со стороны малорусскаго демократическаго націонализма начались открытыя атаки противъ экономическаго господства еврейской національной группы въ Малороссіи, чего и не могъ не сдѣлать демократическій націонализмъ: сущность его — реальная, т. е. экономическая борьба за интересы своей національной группы.

Польскій вопросъ и еврейскій вопросъ вошли самымъ сильнымъ бродильнымъ ферментомъ въ русскую общественную мысль того времени; они больше всего способствовали ускоренію процесса раздѣленія общаго теченія русской интеллигенціи на два почти непримиримыя крыла; они же остаются этимъ основнымъ реальнымъ факторомъ разъединенія русской интеллигенціи и до настоящаго времени; хуже того, они и до настоящаго времени угнетающе давятъ на общественную мысль русской интеллигенціи, мѣшаютъ выкристаллизоваться правильному, объективному, справедливому пониманію демократическаго націонализма, мѣшаютъ признанію такого націонализма законнѣйшимъ элементомъ

нормального, жизненного общественного міровоззрѣнія русской интеллигенціи. Польскій націонализмъ до сихъ поръ занимаетъ болѣе или менѣе непримиримую политическую позицію по отношенію къ общерусскому націонализму. А еврейскій націонализмъ, весь сотканный изъ экономическихъ элементовъ, весь пропитанный стремленіемъ къ экономическому господству еврейской національной группы надъ другими, экономически болѣе слабыми національными группами, т. е. прежде всего русскими группами, составляющими плоть и кровь Россіи,—еврейскій націонализмъ гораздо болѣе непримиримъ, чѣмъ польскій, и въ то же время онъ, благодаря экономическому своему характеру, болѣе скрытъ, болѣе замаскированъ. Евреи даже не признаютъ себя націоналистами; они говорятъ о своемъ космополитизмѣ, забывая, что еврейскій космополитизмъ равносильнъ космополитическому господству евреевъ, въ качествѣ національно-экономической группы. Въ этомъ смыслѣ евреи, конечно, космополиты. Всѣ національности для нихъ—только объектъ для энергичной экономической борьбы и эксплоатаціи. Но въ борьбѣ этой еврейство, конечно, проявляетъ блестящую національную солидарность, сплоченность, т. е. проявляетъ блестящій по своей силѣ націонализмъ. Прикрываясь такимъ своимъ своеобразнымъ космополитизмомъ, еврейство—въ лицѣ своей національной интеллигенціи—упорно стремится навязать идеи безразличнаго космополитизма въ общественное сознаніе другихъ національностей. Еврейство борется со всякимъ націонализмомъ другихъ національностей, такъ какъ пробужденіе здороваго національнаго сознанія у другихъ національностей невыгодно для еврейства, какъ національно-экономической общественной группы. Другими словами, еврейство проявляетъ самый непримиримый, самый деспотическій національный эгоизмъ, не желаетъ ити ни на какія уступки національному эгоизму другихъ, имѣющихъ на то большія права, національностей. Въ пылу борьбы еврейство готово забрасывать грязью всякое проявленіе націонализма въ тѣхъ національныхъ группахъ, экономическая борьба съ которыми представляетъ особенно насущный жизненный интересъ для еврейства. Такое непримиримое и скрытое по своимъ мотивамъ отношеніе еврейства къ націонализму русскихъ національностей держитъ часть русской

интеллигенціи въ самомъ жестокомъ моральномъ, духовномъ рабствѣ. Лозунгъ—„кто націоналистъ, тотъ реакціонеръ и чуть не измѣнникъ народному дѣлу“—давно брошенъ въ оборотъ русской общественной мысли, давно угнетаетъ всякіе ростки національнаго самосознанія въ русской интеллигенціи. Такъ какъ эта интеллигенція экономическаго гнета отъ еврейства непосредственно на самой себѣ не испытываетъ, напротивъ часто прямо или косвенно даже питается отъ еврейскихъ капиталовъ, то и непосредственнаго, наиболѣе жизненнаго стимула борьбы съ стремленіемъ еврейства къ экономическому господству у интеллигенціи нѣтъ. Чиновники, получающіе жалованье отъ казны; врачи, юристы, литераторы, художники и т. п., заинтересованные евреями, какъ кліентами,—т. е. большая часть интеллигенціи,—всѣ они склонны не обращать вниманія на экономическую сущность націонализма, склонны подчиняться космополитическому моменту въ міровоззрѣніи, т. е. склонны въ корнѣ отрицать національную группировку, наличность національной борьбы въ экономической области, право національныхъ группъ на экономическую самозащиту,—склонны довольствоваться требованіями національныхъ группъ только въ области политическихъ интересовъ. Но эта склонность интеллигенціи говоритъ только о томъ, что интересы народныхъ массъ, экономическое существованіе которыхъ основывается не на казнѣ и не на случайныхъ кліентахъ, а на постоянномъ производительномъ трудѣ,—для интеллигенціи менѣе близки, чѣмъ это должно быть для того, чтобы интеллигенція была дѣйствительно жизненно связана съ народомъ. Другими словами, такой космополитизмъ интеллигенціи глубоко не демократиченъ. Демократизмъ интеллигенціи, при наличныхъ общественныхъ условіяхъ, неизбежно связанъ съ націонализмомъ. Пока наша русская интеллигенція не станетъ національной, она не будетъ въ дѣйствительности демократической, народной, она будетъ *оторвана отъ народа!* Въ этомъ—источникъ внутренней, психологической драмы, переживаемой интеллигенціей. Горячій націонализмъ, живое національное чувство и сознаніе,—необходимое условіе оздоровленія русской интеллигенціи!

И если вскорѣ послѣ освобожденія крестьянъ подѣ

вліянієм естественнаго процесса дифференціації обществен-
ныхъ группъ и подъ вліяніємъ рѣзко вклинившася въ
русское общественное самосознаніе инородческаго націона-
лизма, главнымъ образомъ еврейскаго и польскаго,—рус-
ская интеллигенція раскололась на два почти враждебные
лагеря, то еще большой вопросъ, который изъ этихъ двухъ
лагерей являлся и является истинно демократическимъ, на-
роднымъ — прогрессивно-космополитическій, или консерватив-
но-національный! Для объективнаго отвѣта на этотъ воп-
росъ необходимо съ одной стороны учесть тѣ *реальныя*
блага, которыя предоставляетъ или охраняетъ для широ-
кихъ народныхъ массъ то и другое общественное міровоз-
зрѣніе; съ другой стороны установить, какое изъ нихъ бли-
же по своему духу, *морально* къ господствующему міро-
воззрѣнію, духовному укладу народныхъ массъ; необходимо,
наконецъ, нѣсколько дифференцировать понятіе „народныхъ
массъ“, соотвѣтственно ихъ дифференцировкѣ въ дѣйстви-
тельной жизни, необходимо точнѣе опредѣлить, что мы ра-
зумѣмъ подъ „демократіей“ и какую демократію мы имѣ-
емъ въ виду. Само собою разумѣется, что и неимущій ра-
бочій пролетаріатъ будетъ представлять демократію; и мало
имущее, почти пролетарское крестьянство образуетъ слой
мало-имущей демократіи; но съ такимъ же правомъ демо-
кратіей должно признаваться и не-пролетарское, а мелко и
средне хозяйственное крестьянство, мелко и средне капи-
талистическій торговопромышленный слой, вмѣстѣ съ соот-
вѣтственными кадрами интеллигенціи. Какой же изъ этихъ
слоевъ демократіи имѣетъ въ виду демократическое міро-
воззрѣніе? Очевидно, что и въ демократическомъ міровоз-
зрѣніи съ полнымъ правомъ должны существовать оттѣнки,
соотвѣтственные соціальной группировкѣ демократіи. Но если
мы и въ настоящее время, при значительной уже диффе-
ренціації крестьянства, все же будемъ признавать крестьян-
ство въ цѣломъ достаточно однороднымъ классомъ; если мы
имущественный, хозяйственный элементъ признаемъ
однимъ изъ основныхъ, центральныхъ факторовъ общест-
веннаго міровоззрѣнія класса, въ данномъ случаѣ — крестьян-
ства; если мы согласимся, что крестьянству, по его чис-
ленности, по его имущественному и производительному по-
ложенію, принадлежитъ въ болѣе или менѣе близкомъ бу-

дущемъ господствующая роль въ политической жизни страны; если мы, наконецъ, не станемъ отрицать, что эту роль будутъ раздѣлять съ крестьянствомъ мелко и средне имущая городская демократія, торгово-промышленный слой, а также соотвѣтственные группы интеллигенціи, то центральнымъ слоемъ русской демократіи мы неизбѣжно должны будемъ признать именно слой мелкаго и средняго крестьянства, мелкой и средней торгово-промышленной буржуазіи и обслуживающей эти слои интеллигенціи. Во всемъ этомъ слое преобладаетъ русская національная группа. Тамъ гдѣ она не преобладаетъ, она—какъ болѣе слабая—заслуживаетъ особенной поддержки со стороны сознательной демократической интеллигенціи, и тѣмъ болѣе—со стороны государства.

Какое же направленіе русской общественной мысли, какое крыло русской интеллигенціи окажется ближе по своему духу, по своимъ общественно-политическимъ стремленіямъ къ тому коренному слою русской демократіи, который мы должны признать центральнымъ—для Россіи—въ соціально-политическомъ отношеніи? Конечно, это—вопросъ огромной сложности и трудности, и я здѣсь не берусь дать на него сколько-нибудь рѣшительный отвѣтъ.

Но, поскольку правое крыло русской интеллигенціи опредѣленно ставить и оберегаетъ интересы коренной русской національности всѣхъ ея трехъ вѣтвей; поскольку это крыло допускаетъ принципъ демократическаго народнаго представительства, въ смыслѣ политическихъ правъ центрального слоя русской демократіи и идетъ въ этомъ отношеніи на уступки демократіи; поскольку правое крыло относится бережливѣе къ моральнымъ, духовнымъ устоямъ общественнаго міровоззрѣнія этого слоя русской демократіи, не стремясь разрушать эти устои, какъ это дѣлаетъ лѣвое теченіе,—постольку правое крыло и теченіе русской интеллигенціи, даже въ лицѣ представителей верховъ русской аристократіи, русскихъ крупно-имущихъ слоевъ, является въ дѣйствительности,—съ точки зрѣнія интересовъ самой демократіи, а не одной только радикальной интеллигенціи,—болѣе демократическимъ, чѣмъ радикальное, космополитическое крыло и теченіе русской общественной мысли и интеллигенціи. И то, что сама же радикальная интеллигенція называетъ „оторванностью интеллигенціи отъ народа“,

есть именно выражение слабой, сомнительной демократичности этой интеллигенции, вытекающей изъ безнациональности, космополитичности—по духу, частью и по крови—радикальной интеллигенции и изъ *моральнаго рабства* ея передъ тѣмъ міровоззрѣніемъ, какое навязываетъ ей буржуазный—по своей экономической сущности—космополитизмъ, руководимый инородческими группами, въ Россіи главнымъ образомъ евреями. Национально-консервативная интеллигенція, гораздо менѣе многочисленная въ Россіи, ближе къ центральному слою русской демократіи, чѣмъ космополитически-радикальная интеллигенція. Еще ближе къ русской демократіи будетъ *національно-демократическая* интеллигенція, зародыши которой уже замѣчаются въ бродящей гущѣ русской интеллигенции, и дальнѣйшій ростъ которой, вмѣстѣ съ развитіемъ реальной политической жизни страны, обѣщаетъ серьезное будущее: нынѣшняя беспочвенно-радикальная космополитическая интеллигенція русской національности рано или поздно въ большей своей части неизбежно примкнетъ къ національно-демократическому обществу міровоззрѣнію!... Даже русская социаль-демократія, особенно поскольку русскій рабочій пролетаріатъ является не полвымъ пролетаріатомъ, а до известной степени сохраняетъ связь свою съ имущественной, хозяйственной демократіей,—можетъ дать почву для національныхъ теченій въ своей средѣ.

Но этого общественнаго слоя—пролетаріата и его идеологии—я пока совершенно не касаюсь. Основной средой, въ которой будетъ расти національно-демократическое міровоззрѣніе, конечно, будетъ являться главнымъ образомъ имущественная, хозяйственная масса демократіи, и съ точки зрѣнія именно ея интересовъ истинный демократизмъ—въ настоящее время—внѣ націонализма не мыслимъ.

Национально-демократическое міровоззрѣніе.

Каковы же основные исходные пункты національно-демократическаго міровоззрѣнія? Въ чемъ его коренное отличие отъ космополитическаго радикально-демократическаго міровоззрѣнія? Отличіе это само собою очевидно: національ-

но-демократическое міровоззрѣніе опредѣленіе, точнѣе, конкретнѣе формулируетъ понятіе демократіи. Космополитизмъ, какъ и социализмъ, въ сущности базируется на міровой демократіи, что въ социализмѣ весьма рельефно и выражается въ лозунгѣ: „пролетаріи всѣхъ странъ, соединяйтесь“!

Космополитическій радикализмъ, отграничивающій себя отъ социализма молчаливымъ признаніемъ своего болѣе или менѣе буржуазнаго характера, подъ демократіей разумѣетъ не только пролетарскія рабочія массы, лишенныя всякаго обладанія средствами производства, лишенныя будто-бы поэтому и всякихъ имущественныхъ, хозяйственныхъ, пріобрѣтательскихъ инстинктовъ, такъ окрашивающихъ міровоззрѣніе буржуазіи,—включаетъ въ демократію и мелко-имущія хозяйственныя массы, земледѣльческія и торговопромышленныя; на практикѣ радикалы, напр. близкіе къ программѣ к.-д. партіи, включаютъ въ демократію и средне, даже крупно-имущую буржуазію, выставляя основой своей общественной идеологіи все же главнымъ образомъ мелко-имущую и неимущую демократію.

Всю эту смѣшанную массу демократіи радикализмъ считаетъ или хотѣлъ бы видѣть безнаціональной, космополитической, общечеловѣческой. Уже въ этой основной точкѣ зрѣнія радикализма кроются двѣ крупныя ошибки. Первая ошибка—недопустимое смѣшеніе двухъ основныхъ классовъ общества, не имущаго пролетаріата и имущихъ мелко и средне буржуазныхъ массъ. Общественное міровоззрѣніе чистаго пролетарія, абсолютно лишеннаго средствъ производства, живущаго только продажей своей рабочей силы, дѣйствительно существенно разнится отъ міровоззрѣнія имущихъ, хозяйственныхъ массъ, хотя бы имущественность и хозяйственность ограничивалась какой нибудь усадебной и огородной собственностью крестьянина. Прямолинейная социаль-демократія вполнѣ основательно проводитъ поэтому грань между чистымъ рабочимъ и самымъ мелкоимущимъ крестьяниномъ: рабочій и крестьянинъ дѣйствительно представители различныхъ *классовъ*. Космополитическій радикализмъ, въ силу своей идеологической недифференцированности, дѣлаетъ въ этомъ случаѣ крупную идеологическую ошибку,—онъ смѣшиваетъ то, чего смѣшивать не нужно.

Но еще крупнѣе вторая ошибка, присущая уже не

только радикализму, но и социализму; это—упорное стремление игнорировать живой, действительный фактъ—національную группировку человечества вообще и отдѣльных классовъ въ частности. Правда, для социализма эта ошибка менѣе существенна: пролетарій вездѣ пролетарій, для него вездѣ классовой интересъ сводится къ экономической борьбѣ съ работодателемъ, для него, для его общаго дѣла національныя различія не играютъ существенной роли, и только какъ челоѣкъ, какъ живое существо съ опредѣленными естественными, природными, этнографическими свойствами и различіями, которыхъ не можетъ сгладить и экономика, рабочіе—въ действительной жизни—тоже склонны группироваться и по національностямъ. Національный элементъ поэтому и въ чисто пролетарской средѣ является далеко не такимъ *quantité négligéable*, какъ стараются выставить и впитать въ сознание рабочихъ массъ руководители социаль-демократіи. Но для имущественныхъ, хозяйственныхъ слоевъ демократіи, гдѣ нѣтъ того социально-экономическаго равенства, какое имѣется въ однородныхъ массахъ пролетаріата,—національныя различія пріобрѣтаютъ гораздо болѣе существенное, неустранимое изъ сознанія значеніе. Тамъ, гдѣ собственно нѣтъ „класса“, какъ однороднаго въ социально-экономическомъ отношеніи агрегата; тамъ, гдѣ происходитъ особенно напряженная внутри-групповая борьба и расчлененіе на безконечный рядъ вторичныхъ группъ, отличающихся главнымъ образомъ по размѣрамъ имущественности, хозяйственности, и гдѣ объединяющимъ—въ социально-экономическомъ отношеніи—моментомъ является только этотъ буржуазный, имущественный, хозяйственный, пріобрѣтательскій инстинктъ, тамъ цементирующая сила національнаго родства является громаднѣйшимъ факторомъ общественной солидарности, безъ которой, конечно, не мыслима сама общественность, культурное и политическое объединеніе группы! Мелко и средне-имущая демократія, во имя самосохраненія, не можетъ и не должна отказываться отъ группировки по національнымъ признакамъ, и мы видимъ, что она вездѣ и всегда до сихъ поръ являлась главнымъ носителемъ идей націонализма. Національная группировка, заложенная въ самой природѣ челоѣка, въ состояніи объединять борющіяся между собой ин-

дивидуумы и мелкія группы имущей демократіи, и она дѣйствительно объединяетъ ихъ, дѣйствительно играетъ поэтому положительную, творческую, созидающую роль въ процессѣ общественно-политическаго роста, прогресса человѣчества вообще и отдѣльныхъ странъ въ частности.

Вылить національное чувство, національное сознаніе и національное объединеніе въ такія формы, которыя не противорѣчили бы интересамъ культуры и общественности, это—дѣло въ значительной степени и интеллектуальныхъ руководителей демократіи. Ростъ реальной политической жизни страны еще болѣе будетъ способствовать нормальному формированію и развитію націонализма. Для интеллигенціи же важно и необходимо прежде всего установить законность и желательность развитія національныхъ моментовъ въ общественномъ міровоззрѣніи какъ самой интеллигенціи, такъ и той демократіи, съ которой она жизненно связана. Интеллигенція должна признать, что понятіе „міровой демократіи“ есть фикція и съ идеологической точки зрѣнія, и тѣмъ болѣе съ точки зрѣнія реальной дѣйствительности. Идеологически понятіе „міровой“, космополитической демократіи допустимо еще для социалистическаго міровоззрѣнія, но уже совершенно недопустимо для міровоззрѣнія имущей демократіи, къ которой безусловно принадлежитъ большинство, ядро русской демократіи—крестьянство, торгово-промышленный мелко и средне имущій слой и значительная часть самой интеллигенціи. Пора начать расчленять общія идеологическія понятія соотвѣтственно дѣйствительному расчлененію выражаемыхъ этими понятіями явленій жизни. Пора начать открыто исповѣдывать и примѣнять въ общественномъ своемъ міровоззрѣніи то, что понятія „человѣчества, класса и демократіи“ представляютъ фикціи, удобныя только для работы сознанія. Пора видѣть общественную группировку и въ ея дѣйствительныхъ, конкретныхъ формахъ и сочетаніяхъ. И если мы будемъ вдумываться въ структуру общества, въ общественную и государственную жизнь съ точки зрѣнія такой реалистической дифференцировки, мы ни на минуту не станемъ колебаться въ признаніи реальности національной группировки общества, какъ и всего человѣчества. Болѣе того, мы признаемъ за національной группировкой одинъ изъ есте-

ственныхъ, здоровыхъ, нормальныхъ путей къ росту общественнаго объединенія, общественной солидарности группъ, т. е. признаемъ за націонализмомъ положительное общественное значеніе, а тѣмъ самымъ найдемъ не только общественно-политическое, но и моральное его оправданіе, столь необходимое съ точки зрѣнія субъективизма.

Но для общественнаго міровоззрѣнія, конечно, особенно важно общественно-политическое оправданіе націонализма. Соціалистическое, а за нимъ и радикально-космополитическое міровоззрѣніе основнымъ идеологическимъ возраженіемъ противъ націонализма выставляетъ то положеніе, что національная группировка совершенно не соотвѣтствуетъ экономической группировкѣ, имѣющей рѣшающее значеніе въ группировкѣ соціальной, а тѣмъ самымъ и въ складѣ общественнаго міровоззрѣнія группъ. „Экономическій моментъ, а совѣмъ не національный опредѣляетъ характеръ группы“, говоритъ намъ не-национальное міровоззрѣніе, а затѣмъ уже явно и совершенно произвольно прибавляетъ: „национальная группировка не только не скрѣпляетъ общественныхъ группъ, а напротивъ разъединяетъ ихъ, усиливаетъ ихъ взаимную борьбу, вражду, даже ненависть, вводя вмѣсто ясныхъ экономическихъ признаковъ группировки признаки темные, фиктивные, чуть не мистическіе—національность, а вслѣдъ за ней и религію, связанную неразрывно съ такими идеологическими пережитками, которые граничатъ съ предразсудками, суевѣріями и т. п. проявленіями безсознательной, подсознательной жизни, съ которыми должна бороться культура, а не базировать на нихъ развитіе общестственности“!...

Мы не будемъ здѣсь касаться религіознаго момента, какъ фактора общестственности. Скажемъ только что соціалистическое и радикально-космополитическое міровоззрѣнія дѣлаютъ грубую ошибку по отношенію къ демократіи, разрушая въ ней религіозный моментъ, безъ замѣны его чѣмъ либо соотвѣтственно равноцѣннымъ. Гораздо существеннѣе внести коррективъ въ экономическія основанія отрицательнаго отношенія къ націонализму. Въ этомъ случаѣ мы можемъ и должны исходить только изъ объективныхъ данныхъ, совершенно отвергая всякій субъективизмъ. Если мы можемъ доказать невѣрность того положенія, что однѣ на-

ціональнѣя группы являются въ общемъ богаче, сильнѣе, другія—бѣднѣе, слабѣе, то мы вправѣ будемъ исключитъ національный элементъ и изъ факторовъ общественной группировки. Но если объективныя, статистическія данныя говорятъ намъ о томъ, что экономическая группировка болѣе или менѣе совпадаетъ съ группировкой національной, то это будетъ служить указаніемъ съ одной стороны на то, что борьба національностей въ большей или меньшей степени связана именно съ экономическимъ моментомъ, имѣетъ подъ собою почву въ неодинаковомъ уровнѣ экономического благосостоянія національныхъ группъ, какъ естественныхъ, а не соціально экономическихъ цѣлыхъ, а съ другой стороны будетъ заставлятъ насъ самымъ рѣшительнымъ образомъ признавать моментъ національнаго объединенія группъ въ качествѣ одного изъ могучихъ средствъ групповой самозащиты слабѣйшихъ группъ. Вѣдь не можетъ же радикальная интеллигенція отрицать законнаго права слабыхъ экономическихъ группъ на объединеніе и на защиту своихъ интересовъ въ борьбѣ съ болѣе сильными экономическими группами! И если экономическіе признаки, въ данный историческій моментъ, достаточно очевидно сопутствуютъ національной группировкѣ, и если національные инстинкты, чувства и сознаніе являются факторомъ объединяющимъ, слѣдовательно повышающимъ и экономическую силу, энергію группы, то какъ же мы можемъ игнорировать, а тѣмъ болѣе разрушать этотъ факторъ? Повторяю, это было бы *предательствомъ* по отношенію къ слабымъ группамъ, грубѣйшимъ нарушеніемъ принциповъ и интересовъ демократизма и явнымъ потворствомъ крайняго національнаго эгоизма болѣе сильныхъ національныхъ группъ. Скажемъ, если объективныя данныя говорятъ намъ о томъ, что напр. еврейство, какъ національная группа, является въ то же время болѣе сильной экономической группой, а мы, подъ флагомъ „равенства“ и „равноправія“, будемъ настаивать на предоставленіи еврейской группѣ еще болѣе въ возможности усиливать свое экономическое господство надъ другими, болѣе слабыми группами, то это не будетъ ни демократично, ни прогрессивно, ни гуманно, а будетъ только въ явный ущербъ демократіи болѣе слабымъ группамъ! Можетъ ли въ такомъ случаѣ интеллигенція, принадле-

жащая—по національности—къ этимъ болѣе слабымъ группамъ, по совѣсти сказать о себѣ, что она—демократична?! Конечно, для еврейской группы въ цѣломъ, въ томъ числѣ и для еврейской демократіи, „равенство“ и „равноправіе“ евреевъ, защищаемое интеллигенціей, будетъ выгодно; съ точки зрѣнія еврейской демократіи защита равноправія, конечно, будетъ проявленіемъ демократизма. Но съ точки зрѣнія великорусской, малорусской или бѣлорусской демократіи?...

Только съ такой, въ основѣ своей прежде всего *экономической* точки зрѣнія, интеллигенція должна рѣшать проблему націонализма. Между тѣмъ радикальная интеллигенція, особенно еврейская, умышленно или неумышленно до сихъ поръ старается совершенно игнорировать именно экономическій моментъ въ національной проблемѣ, и сводить эту проблему только къ „политическому самоопредѣленію“ національностей. Даже такая ярко націоналистическая радикальная интеллигенція, какъ малорусская, точнѣе—*украинская*, до сихъ поръ центръ тяжести „украинскаго вопроса“ видитъ прежде всего въ свободѣ украинскаго литературнаго языка, въ правѣ гражданства этого языка въ школѣ, судѣ и т. п., а въ качествѣ конечнаго постулата ставитъ автономію, не опредѣляя ея конкретнаго характера и содержанія. Экономическій моментъ даже въ этомъ радикальномъ интеллигентскомъ національномъ движеніи играетъ совершенно второстепенную, мало отбѣняемую роль. Еврейская радикальная интеллигенція весьма охотно поддерживаетъ именно такое, чисто политическое, направленіе и толкованіе національнаго вопроса, потому что оно безспорно выгодно для еврейства, какъ національной группы въ цѣломъ, т. е. не только для еврейской демократіи, но и для еврейской буржуазіи. Къ „украинству“, поскольку оно держится чисто политической почвы, еврейская радикальная интеллигенція относится поэтому довольно терпимо, даже сочувственно. Напротивъ, къ болѣе сильному, болѣе реалистическому—польскому націонализму, отлично понимающему значеніе экономического момента въ націонализмѣ, еврейская радикальная интеллигенція относится уже иначе—холоднѣе, а тамъ гдѣ польскій націонализмъ переходитъ въ „антисемитизмъ“,—даже враждебно. По отношенію къ

требованіямъ политическаго націонализма украинцевъ и поляковъ, еврейская и русская радикальная интеллигентская мысль даже забываетъ свою формулу: „*націоналістическій*“ или что одно и то же—*реакціонный*“, ¹⁾ и готова поддерживать ихъ. Но къ экономическому націонализму радикальная мысль относится уже какъ къ *шовинизму*, чуть не равносильному съ шовинизмомъ погромовъ. Да и общей формулой радикализма по отношенію къ національному движенію является формула: „націонализмъ—шовинизмъ“! Тѣмъ болѣе—„антисемизмъ—шовинизмъ“! Радикальная, особенно еврейская, интеллигенція въ своихъ отношеніяхъ къ національной проблемѣ, въ частности—къ еврейскому вопросу, охотно исходитъ изъ такихъ русскихъ общественныхъ авторитетовъ, какъ Вл. Соловьевъ и гр. Л. Толстой. Оба они, исходя изъ христіанской точки зрѣнія, вполне справедливо говорили: „кто проповѣдуетъ огульную *вражду* къ цѣлому народу, тотъ тѣмъ самымъ показываетъ, что христіанская точка зрѣнія, потеряла для него свою обязательность“ (письма Вл. Соловьева къ еврею Ф. Б. Гецу). Философы, съ оттѣнкомъ мистицизма, исходятъ изъ религіозной точки зрѣнія. Радикальное міровоззрѣніе исходитъ изъ „правъ человѣка и гражданина“. А тѣ и другіе говорятъ о „враждѣ“, да еще „огульной“, и забываютъ, что проблема націонализма не знаетъ никакой „вражды“, а знаетъ только „борьбу“, при томъ борьбу общественную, политическую, законодательную, но никакъ не индивидуальную. И тѣ, и другіе забываютъ далѣе, что проблема націонализма есть проблема прежде всего экономическая, а слѣдовательно и соціально-политическая, но никакъ не борьба личная—въ смыслѣ попраііа правъ *личности* и требованій общечеловѣческой морали, нравственности. И тѣ и другіе забываютъ, что сознательный націонализмъ связанъ съ полнымъ уваженіемъ не только моральныхъ правъ личности, но и общественныхъ правъ группы, но только правъ *справедливыхъ*, не нарушающихъ такихъ же правъ другихъ заинтересованныхъ группъ. Но націонализмъ есть проявленіе и въ то же время одно изъ не-матеріальныхъ средствъ общественной борьбы, а потому онъ знаетъ не однѣ только

¹⁾ Буквальное выраженіе напр. Евг. Шольпа въ „Кіев. М.“, 11 авг. 1910 г.

уступки, но и требованія, не одни идеальныя начала абсолютнаго равенства и братства, но и суровую дѣйствительность неравенства и жизненной борьбы. Отнеситесь же къ націонализму съ этой—реальной, жизненной точки зрѣнія, съ точки зрѣнія разумной, справедливой, планомѣрной экономической и общественно-политической *борьбы* группъ, а не съ точки зрѣнія инстинктивной личной „вражды“ и не съ точки зрѣнія идеаловъ абсолютнаго равенства, являющихся руководящимъ моментомъ въ нашемъ индивидуальномъ нравственномъ развитіи и поведеніи, но никакъ не рѣшающимъ моментомъ въ общественной борьбѣ группъ при наличныхъ историческихъ условіяхъ!...

Я возвращаюсь къ объективнымъ, статистическимъ даннымъ, необходимымъ для рѣшенія весьма важнаго для національной проблемы вопроса: насколько экономическія группы совпадаютъ съ группами національными, другими словами, насколько вправѣ мы говорить, что однѣ національныя группы являются богаче, экономически сильнѣе, другія—бѣднѣе и слабѣе.

Конечно, справедливость требуетъ сказать, что наука еще не располагаетъ достаточными и всесторонними статистическими данными для объективнаго разрѣшенія такой экономически національной проблемы. Научныя экономическія изслѣдованія даже не направлялись—вполнѣ планомѣрно—въ сторону изученія экономической силы и экономического характера *національныхъ* общественныхъ группъ. Но въ высшей степени интересно и характерно то, что одинъ изъ крупнѣйшихъ современныхъ экономистовъ, проф. Вернеръ Зомбартъ, вполнѣ опредѣленно вступилъ именно на этотъ путь. Онъ задался цѣлью нарисовать возможно болѣе полную историко-статистическую картину экономического значенія и вліянія еврейской національной группы въ хозяйственномъ развитіи современныхъ культурныхъ народовъ. Зомбартъ вполнѣ отчетливо подчеркиваетъ такимъ образомъ не только возможность, но и необходимость при болѣе детальной и реальной постановкѣ экономическихъ вопросовъ изучать отдѣльныя общественныя группы не только по социальнo-экономическимъ признакамъ, но и по признакамъ національнымъ. Вернеръ Зомбартъ ставитъ задачу изученія экономического развитія *національныхъ группъ*, и—тѣмъ са-

мымъ—ихъ соціального и политическаго вліянія въ государствахъ. Если пока мы не можемъ сказать, что Зомбартъ уже опредѣленно затрагиваетъ эту соціально-политическую роль національныхъ группъ, тѣсно связанную съ ихъ ролью экономической, то логически это совершенно неизбѣжно. Можетъ быть экономисты будутъ ограничиваться одной экономической стороною вопроса о роли національныхъ группъ, но соціологи и политики, конечно, не преминутъ воспользоваться данными экономистовъ для освѣщенія соціально-политической роли національныхъ группъ.

Въ частности, уже и изъ тѣхъ общихъ, предварительныхъ положеній, съ какими выступилъ проф. Зомбартъ, мы съ несомнѣнностью можемъ утверждать тотъ выводъ, что еврейская національная группа рѣшительно вездѣ и съ очень давнихъ историческихъ временъ овладѣвала въ болѣе молодыхъ культурныхъ странахъ господствующимъ положеніемъ въ торгово-промышленной и финансовой жизни этихъ странъ; что, конечно, именно благодаря этому еврейская національная группа приобрѣтала весьма вліятельное положеніе, если не прямое, то косвенное, въ соціально-политической жизни этихъ странъ; что это вліятельное положеніе, благодаря своему сильно развитому національному чувству, своей национальной солидарности и сплоченности, еврейская группа использовала въ интересахъ своихъ сочленовъ. Это вполне понятно, вполне естественно. Точно такъ же должна поступать всякая національная, вообще всякая общественная группа,— иначе она не можетъ быть даже названа *группой*: только живая солидарность группы, побуждающая на энергичную защиту групповыхъ интересовъ, даетъ ей право на названіе общественной группы! И мы только съ глубокимъ убѣжденіемъ можемъ пожелать, чтобы всѣ другія національныя группы были такъ же тѣсно сплочены, такъ же солидарны, такъ же горячо проникнуты національнымъ чувствомъ, какъ группа еврейская.

Мы не можемъ далѣе не согласиться съ справедливостью того экономическаго положенія, на которомъ особенно энергично настаиваетъ и Вернеръ Зомбартъ,—что еврейская національная группа, внося въ страну капиталы и свою торгово-промышленную энергію и опытность, оживляла экономическую жизнь страны. Но въ то же время мы въ го-

раздо большей степени, чѣмъ Вернеръ Зомбартъ, склонны задумываться надъ тѣмъ постояннымъ историческимъ фактомъ, что вездѣ еврейская національная группа рано или поздно, въ болѣе или менѣе острой формѣ, вызывала борьбу съ ней коренного торгово-промышленнаго слоя, а черезъ него, черезъ обслуживающія его интересы слои и учрежденія, бросало этотъ духъ борьбы и въ болѣе широкія народныя массы. Въ мрачныя эпохи, вродѣ эпохи господства инквизиціи, эта борьба вырождалась, по крайней мѣрѣ въ массахъ, въ религіозную и племенную вражду, но несомнѣнно, что и *вражда*, какъ явленіе отрицательное, общественно дезорганизирующее, разрушительное, была отраженіемъ болѣе законнаго, болѣе положительнаго, болѣе организующаго явленія, — групповой *борьбы*, вполне естественно носившей національный оттѣнокъ именно потому, что экономическая группировка совпадала съ группировкой національной: коренныя группы начинали бороться съ еврейской группой не потому, что она еврейская, а потому, что еврейская національная группа въ то же время являлась той экономической группой, которая, отчасти благодаря и своей національной солидарности, вытекавшей изъ живого національнаго чувства, — развивала свое экономическое *господство*, т. е. экономически подавляла коренныя молодыя группы. За экономическимъ же господствомъ неизбѣжно шло и господство соціально-политическое.

Мы не можемъ не считать эту соціально-экономическую *борьбу* коренныхъ группъ съ еврейской столь же естественной и законной, какъ естественна и экономически законна была сила и роль еврейской группы тамъ, гдѣ она появлялась. Борьба должна была быть. Отсутствіе ея обозначало бы лишь полнѣйшую безжизненность или безсиліе, поработченность коренныхъ группъ. Но такъ какъ положительное экономическое значеніе еврейской группы для общаго развитія страны вездѣ и никогда не подлежало и не подлежитъ сомнѣнію, то борьба должна была бы ити по извѣстной равнодѣйствующей, подсказываемой общими и взаимными интересами. Борьба должна бы была требовать не только жертвъ, но и уступокъ съ обѣихъ сторонъ. *Борьба* не должна бы была переходить во *вражду*, соціально-экономическіе мотивы и соціально-политическія цѣ-

ли борьбы не должны бы были затемняться и загрязняться инстинктами племенной розни и религиознаго фанатизма.

Таковы если не выводы, то мысли, невольно вытекающія изъ той постановки и того освѣщенія вопроса объ экономической роли еврейской національной группы, какія выдвигаетъ Вернеръ Зомбартъ, относящійся къ еврейской національной группѣ не только съ полной симпатіей, но склонный даже преувеличивать ея положительное значеніе въ экономическомъ и культурномъ прогрессѣ человѣчества.

Нельзя не отмѣтить, кстати, одного чрезвычайно интереснаго и важнаго явленія и вопроса, на разрѣшеніи котораго однако я здѣсь останавливаться не буду, и котораго, повидимому, совершенно не задѣваетъ и Вернеръ Зомбартъ. Вопросъ этотъ заключается въ томъ, почему распредѣленіе еврейства въ современныхъ культурныхъ странахъ совершенно не отвѣчаетъ ни напряженности торгово-промышленной жизни ихъ, ни степени гражданской и политической свободы, т. е. и степени „равноправія“ евреевъ въ этихъ странахъ? Почему въ такихъ богатыхъ и промышленныхъ странахъ, какъ Англія, Франція, Германія, Соединенные Штаты, гдѣ для еврейскаго торгово-промышленнаго генія казалось бы имѣется громадное примѣненіе, и гдѣ „равноправіе“ евреевъ осуществлено если не полностью, то въ гораздо большей степени, чѣмъ въ Россіи, евреевъ тѣмъ не менѣе гораздо меньше, чѣмъ въ Россіи, экономически еще слишкомъ молодой и слабой, а политически далекой отъ осуществленія еврейскаго равноправія? Объективный отвѣтъ на этотъ вопросъ можетъ освѣтить экономическую роль евреевъ нѣсколько не такъ, какъ ее освѣщаетъ проф. Зомбартъ. Но—пока—я воздерживаюсь отъ соображеній по этому вопросу.

Въ методологическомъ отношеніи для насъ особенно цѣннымъ является то, что Вернеръ Зомбартъ своимъ авторитетомъ крупнаго экономиста подчеркиваетъ законность выдѣленія *національных* группъ при изученіи экономики болѣе крупныхъ общественныхъ коллективовъ—народовъ, государствъ. Съ такимъ именно методологическимъ допущеніемъ я сдѣлалъ попытку использовать данныя первой однодневной всероссійской переписи 1897 года, когда въ 1906—1907 году получилъ отъ Кіевского Коммерческаго

Института предложенье прочесть курсъ: „Производительныя силы Юго-Западной Россіи“. Такой же курсъ предполагалъ читать я въ Кіевскомъ Политехническомъ Институтѣ, Совѣтъ котораго избралъ меня для прочтенія этого курса. Но въ Политехническомъ Институтѣ курсъ не былъ мнѣ тогда разрѣшенъ, а въ Коммерческомъ я имѣлъ возможность читать только одно полугодіе. Поэтому многое изъ того, что я хотѣлъ еще сдѣлать, до сихъ поръ остается не сдѣланнымъ. Но тѣ общіе для всей Россійской Имперіи выводы изъ переписи, какія я успѣлъ получить, если еще не освѣщаютъ многихъ деталей вопроса, имѣютъ во всякомъ случаѣ достаточно очевидное общее же значеніе. Они устанавливають, въ тѣхъ относительныхъ предѣлахъ, какіе допустимы на основаніи общихъ статистическихъ данныхъ, фактъ господствующаго положенія еврейской національной группы и въ торгово-промышленной жизни Россіи, какъ безспорнымъ считаетъ этотъ фактъ Вернеръ Зомбартъ для всѣхъ другихъ культурныхъ странъ, особенно въ періодъ первоначальнаго развитія въ нихъ капитализма.

Полученныя мною изъ цифръ переписи данныя характеризуютъ экономическую роль, а косвенно, слѣдовательно, и экономическую силу главнѣйшихъ національностей въ Россіи—великороссовъ, малороссовъ, евреевъ и поляковъ. Вотъ эти данныя:

Занятія.	% къ національности.				% къ группѣ занятій.			
	Велико-россы	Мало-россы	Поляки	Евреи	Велико-россы	Мало-россы.	Поляки	Евреи
Администрація, судъ, полиція . . .	1,27	0,42	1,04	0,07	70,33	8,20	9,01	0,39
Общественная и сословная служба .	0,52	0,28	0,40	0,14	61,79	11,94	8,80	1,61
Частная юридическая дѣятельность .	0,05	0,01	0,13	0,09	55,89	4,29	21,36	8,44
Наука, литература, искусство	0,11	0,01	0,18	0,22	54,46	2,71	10,60	10,75
Врачебная и санитарная дѣятельность .	0,36	0,18	0,57	0,57	56,76	7,43	13,79	8,68
Доходы съ капитала и недвижимости	1,22	0,51	2,44	2,17	47,77	7,01	14,91	10,58
Торговля	4,66	1,15	1,95	33,87	45,89	4,39	8,10	32,66
Промышленность . .	19,64	7,86	18,24	38,53	55,74	7,84	8,10	10,71
Сельское хозяйство .	52,40	77,38	53,46	3,00	39,84	20,60	6,37	0,22
Частная служба, прислуга, поденные . .	6,06	4,92	11,79	5,15	44,77	12,82	13,08	3,74

Общее количество населенія въ Россіи по переписи 1897 года равнялось 125,680,682 человекъ. Изъ нихъ великороссовъ было 44,3⁰/о; малороссовъ—17,80⁰/о; поляковъ 6,31⁰/о и евреевъ 4,03⁰/о.

Данныя таблицы относятся къ группѣ „самостоятельныхъ мужчинъ“, т. е. главъ семействъ, вообще лицъ, прокармливающихъ или себя, или себя и семью самостоятельно. Однако, эти цифры вполне основательно могутъ быть сравниваемы съ общими цифрами процентнаго распредѣленія населенія Россіи по національностямъ, такъ какъ онѣ вполне однородны по отношенію къ каждой національной группѣ.

Цифры эти не однородны, конечно, по существу, въ смыслѣ характеристики экономическаго положенія тѣхъ единицъ, которыя попали въ группу. Такъ напр., группа администраціи, скажемъ, заключаетъ въ себѣ всѣхъ администраторовъ, начиная съ министровъ и кончая низшими агентами администраціи; группа торговли—отъ представителей крупнѣйшихъ фирмъ до послѣдняго приказчика; врачебная и санитарная дѣятельность—отъ врачей до фельдшеровъ; сельское хозяйство—отъ крупнѣйшихъ землевладѣльцевъ до полунищихъ крестьянъ, и т. д. Сколько-нибудь абсолютнаго значенія, въ смыслѣ опредѣленія экономической силы данной группы цифры эти, такимъ образомъ, конечно, не имѣютъ. Для объективной оцѣнки экономической силы группы необходимо съ одной стороны опредѣленіе таковой же силы одной единицы этой группы, что позволяло бы опредѣлять относительную силу группъ; съ другой стороны, необходимо было бы детальное расчлененіе общей группы на болѣе мелкія реальныя группы, входящія въ составъ общей группы. Напр. группу „сельскаго хозяйства“—на группы по размѣрамъ землевладѣнія, по доходности земли, и т. д. Группы, экономическая сила которыхъ основывается на получаемомъ отдѣльными единицами жалованьи или на заработкахъ, необходимо было бы раздѣлить на подгруппы по размѣрамъ жалованья или заработковъ; и т. д. Но пока мы не располагаемъ такими болѣе детальными изслѣдованіями, мы вправѣ всеже прибѣгать къ такимъ болѣе общимъ группировкамъ, придавая имъ такой же—только общій—экономическій характеръ. Никто не сомнѣвается въ томъ, что средній доходъ или заработокъ единицы изъ группы „частная юридическая дѣ-

тельность“, или „наука, литература, искусство“ или „врачебная и санитарная дѣятельность“, въ общемъ выше, чѣмъ заработокъ, доходъ единицы изъ группы „сельское хозяйство“, зная, что въ этой группѣ, весьма многочисленной, преобладаетъ мелкое, крестьянское хозяйство. Никто не сомнѣвается, что группа лицъ, живущихъ „доходами съ капитала и недвижимости“, является безспорнымъ показателемъ общаго благосостоянія національной группы. Трудно далѣе сомнѣваться въ томъ, что средній процентъ, средняя доходность капитала въ сельскомъ хозяйствѣ, особенно въ Россіи, ниже, чѣмъ въ торговлѣ и промышленности. Невозможно, наконецъ оспаривать напр. культурныя преимущества занятій, сосредоточенныхъ въ крупныхъ центрахъ, по сравненію съ занятіями, протекающими въ деревнѣ, напр. земледѣліемъ. Эти преимущества общеизвѣстны и безспорны.

Принимая во вниманіе всѣ эти общія, болѣе или менѣе безспорныя соображенія, мы вправѣ даннымъ статистическимъ группамъ придавать болѣе или менѣе опредѣленный экономическій смыслъ и характеръ. Что же мы видимъ? Мы видимъ, что въ группѣ, живущей „доходами съ капитала и недвижимости“, евреи, которыхъ въ Россіи только 4,03% составляютъ 10,58%; поляки которыхъ въ Россіи 6,31%, въ группѣ „капиталистовъ“ составляютъ 14,91%; великороссовъ въ общемъ количествѣ населенія 44,3%, а въ группѣ „капиталистовъ“ — 47,77%; наконецъ, малороссовъ въ общемъ количествѣ населенія Россіи 17,80%, а въ группѣ „капиталистовъ“ — только 7,01%. Неужели эти данныя не убѣдительны, не указываютъ на крайне ничтожное развитіе безспорно имущаго слоя въ національной группѣ малороссовъ, и на весьма значительное развитіе его въ еврейской и польской группѣ? Если даже по отношенію къ малорусской національной группѣ можно сдѣлать ту поправку, что извѣстная часть „капиталистовъ“ этой національной группы приписывала себя къ великорусской національной группѣ, то тогда соответственно понизится процентъ „капиталистовъ“ въ великорусской группѣ. Во всякомъ случаѣ совершенно очевидно, что коренныя національныя группы Россіи — великорусская и малорусская — гораздо бѣднѣе „капиталистами“, чѣмъ группы еврейская и польская. Совершенно очевидно далѣе преобладаніе евре-

евъ въ группѣ торговли. И что бы ни говорили о „мѣстечковомъ торговомъ еврейскомъ пролетаріатѣ“, мы не можемъ отрицать того, что даже мелкій мѣстечковый лавочникъ еврей живетъ въ болѣе культурныхъ условіяхъ, чѣмъ мелкій русскій или малорусскій крестьянинъ земледѣлецъ, далекій отъ культурныхъ центровъ. То же самое мы должны сказать о мелкомъ городскомъ приказчикѣ. Но съ интересующей насъ—національной—точки зрѣнія наличность мало-доходныхъ слоевъ въ группѣ напр. торговли и промышленности даже не имѣетъ существеннаго значенія. Одно не подлежитъ сомнѣнію, — что группа „торговли и промышленности“ накопляетъ капиталъ въ гораздо большей степени, чѣмъ всѣ другія группы. Отсюда—не только экономическая, но и соціально-политическая сила этой группы. И если въ группѣ „торговли и промышленности“ еврейская національность занимаетъ такое крупное мѣсто, совсѣмъ не пропорціональное проценту ея въ общемъ количествѣ населенія, то это достаточно убѣдительно говоритъ объ экономической силѣ этой національной группы.

Вполнѣ понятно поэтому, что и въ группахъ „либеральныхъ профессій“—юридической, медицинской, литературной—національности еврейская и польская занимаютъ точно также положеніе болѣе крупное, чѣмъ въ общей численности населенія, т. е. какъ бы вытѣсняють изъ этихъ группъ болѣе слабыя въ экономическомъ отношеніи коренныя національныя группы, особенно малорусскую, болѣе 77% которой заняты въ наименѣе доходной отрасли народнаго труда—въ сельскомъ хозяйствѣ. Повторяемъ, что это положеніе не ослабляется и при допущеніи, что малорусская группа вездѣ болѣе или менѣе фиктивно понижена благодаря тому, что многіе малороссы, особенно въ культурныхъ слояхъ, записывали себя великоросами или просто „русскими“.

Благодаря законодательнымъ ограниченіямъ ничтоженъ процентъ евреевъ въ группахъ „администрація“ и „общественная служба“, т. е., такъ сказать, въ группѣ „государственной власти“. Здѣсь экономическая сила еврейской національной группы еще не успѣла преодолѣть политическаго сопротивленія коренныхъ національностей, не упускающихъ государственной власти изъ своихъ рукъ. И ес-

ли мы примемъ во вниманіе, что обладаніе государственной властью представляетъ одно изъ весьма сильныхъ орудій воздѣйствія на экономическую жизнь государства и отдѣльныхъ общественныхъ группъ, въ томъ числѣ и группъ національныхъ, то мы не можемъ не признать это противодѣйствіе коренныхъ національныхъ группъ еврейской въ борьбѣ за государственную власть въ высшей степени законнымъ и справедливымъ—именно въ силу относительной слабости этихъ группъ, по сравненію съ еврейской, въ экономическомъ отношеніи. Пусть хоть это средство борьбы за экономическіе интересы болѣе слабыхъ въ этомъ отношеніи національныхъ группъ остается въ ихъ рукахъ, а не переходитъ въ тѣ группы, которыя экономически сильнѣе, а потому упорно стремятся взять себѣ все, что какъ бы поддается имъ ихъ экономической силой, т. е. и государственную власть! А для демократической русской—великорусской, малорусской и бѣлорусской—интеллигенціи думать и утверждать, что домогательства еврейской національной группы и въ этомъ отношеніи являются справедливыми, заслуживающими общей поддержки, это значитъ—совершенно забывать интересы широкихъ демократическихъ массъ этихъ группъ, особенно массъ мало-и средне-имущихъ! Демократическая русская интеллигенція перестаетъ быть демократической, когда она соглашается и „государственную власть“ отдать въ такомъ же повышенномъ процентѣ еврейской національной группѣ, въ какомъ она уже обладаетъ властью экономической. Демократическая интеллигенція поступаетъ въ этомъ случаѣ не демократически, а просто — по-рабски, подчиняясь дѣйствию и обаянію экономической силы, которая къ тому же пока групповыхъ интересовъ коренной интеллигенціи не задѣваетъ: наша коренная интеллигенція получаетъ средства къ существованію главнымъ образомъ отъ государственной и общественной службы и отъ „вольныхъ профессій“. Интеллигенція мало задумывается надъ тѣмъ, что съ открытіемъ свободныхъ путей евреямъ въ группу „государственной власти“, коренной интеллигенціи неминуемо придется вынести такую же скрытую, но упорную борьбу, конкуренцію, какую выдерживали и выдерживаютъ другія группы занятій. Обезпеченная пока „двадцатымъ числомъ“, русская демократическая интелли-

генція предпочитаетъ отрицать всякую групповую борьбу, какъ будто-бы нарушающую принципы гуманности, не думая при этомъ о будущемъ тѣхъ группъ, къ которымъ интеллигенція принадлежитъ, не думая о будущемъ демократическихъ массъ тѣхъ національныхъ группъ, къ которымъ она принадлежитъ. Въѣдъ свободный доступъ евреевъ и въ группу „государственной власти“ повлечетъ за собою неминуемое пониженіе процента той же самой демократической интеллигенціи въ коренныхъ національностяхъ, ростъ которой во всякомъ случаѣ въ интересахъ національной демократіи! Капиталь, экономическая сила поможетъ еврейской національной группѣ и въ „государственной власти“ занять то же болѣе высокое процентное положеніе, какое она заняла въ другихъ болѣе выгодныхъ группахъ занятій. Русская демократическая интеллигенція будетъ относительно уменьшаться, а за счетъ этого уменьшенія будетъ относительно увеличиваться еврейская радикально-космополитическая интеллигенція.

Насъ спросятъ, почему и какъ отъ этого будутъ нарушаться интересы національной демократіи? Не все ли равно, къ какимъ національнымъ группамъ будетъ принадлежать интеллигенція страны? Лишь бы страна была богата интеллигенціей, а какова эта интеллигенція по своему національному составу,—совершенно безразлично! И если еврейская интеллигенція, благодаря своимъ капиталамъ, благодаря своей вѣковой культурѣ, благодаря своимъ національнымъ качествамъ—энергіи, настойчивости и т. п. будетъ дѣлать свое дѣло даже лучше, чѣмъ интеллигенція великорусская, малорусская и бѣлорусская, то и отлично, что интеллигенція Россіи по своему національному составу будетъ хоть сплошь еврейской!

Такова въ сущности откровенная, прямолинейная постановка вопроса о національномъ характерѣ интеллигенціи, допускаемая космополитическимъ міровоззрѣніемъ. Еврейская интеллигенція особенно охотно именно такъ и думаетъ. Она признаетъ за собой, какъ за національной группой интеллигенціи, извѣстныя преимущества по сравненію съ русскими національными группами интеллигенціи, и явная или скрытая предпосылка еврейской интеллигенціи въ этомъ пунктѣ сводится именно къ тому, что „пусть хоть

вся интеллигенція въ Россіи будетъ еврейской, лишь бы она была дѣльной, хорошей интеллигенціей"! А русская „демократическая“ интеллигенція, пропитанная и поработанная космополитическимъ міровоззрѣніемъ,—весьма выгоднымъ для еврейской національной группы,—покорно, рабски повторяетъ эту оскорбительную для ея національнаго достоинства и бесспорно вредную для національной демократіи формулу. Русская демократическая интеллигенція не желаетъ понять того, что пониженіе процента интеллигенціи, такъ же, какъ и процента экономически болѣе сильныхъ группъ въ національности, равносильно общему фактическому, реальному пониженію культурности этой національной группы. Коренныя національныя группы будутъ относительно бѣдны и экономическими, и культурными, интеллектуальными силами, а еврейская и другія иноплеменные группы будутъ расти и въ той, и въ другой своей силѣ. Общій балансъ силъ страны, можетъ быть, даже не измѣнится, но распредѣленіе силъ будетъ неравномѣрное между національностями. Неужели *демократическое* міровоззрѣніе *русской* интеллигенціи можетъ серьезно и сознательно примириться съ этимъ?

Неужели демократическая интеллигенція не будетъ считать болѣе справедливымъ и болѣе соотвѣтствующимъ интересамъ культурнаго роста демократіи болѣе слабыхъ національныхъ группъ иное распредѣленіе и экономической, и политической силы общественнаго коллектива—народа, государства, т. е. всѣхъ общественныхъ группъ, входящихъ въ составъ коллектива? Если въ конечномъ общественномъ идеалѣ распредѣленія силъ радикальная интеллигенція явно склонна къ социалистическому полному уравненію, то почему въ текущіе историческіе моменты она такъ легко будетъ соглашаться на явное неравенство группъ, на явное господство сильныхъ группъ надъ слабыми? Вѣдь не можетъ же „идеализмъ“ радикальной интеллигенціи доходить до такой степени вырожденія, что въ реальной политикѣ даннаго момента она будетъ жить и довольствоваться идеалами безконечно отдаленнаго будущаго, только ихъ признавать обязательными, а фактическое распредѣленіе силъ въ наличный моментъ предоставлять всецѣло успѣху борьбы, не становясь при этомъ на сторону болѣе

слабыхъ группъ, имѣющихъ бѣльшее моральное право на помощь въ борьбѣ? Вѣдь дойти до такого сознанія, до такого уровня общественной, групповой пассивности значить—впасть въ полное моральное и общественное рабство передъ тѣми группами, которыя благодаря своей экономической силѣ стремятся властвовать, поработать болѣе слабыя группы! На какую же общественную связь интеллигенціи съ демократическими массами можно разсчитывать при этомъ? Конечно, ни на какую. „Оторванность“ интеллигенціи отъ „народа“ будетъ только расти при такомъ отсутствіи групповой, въ томъ числѣ и національной, связи интеллигенціи съ „народомъ“. Связь подразумѣваетъ активную защиту интересовъ группы. Жизнь только идеалами отдаленнаго будущаго, при забвеніи реальныхъ интересовъ настоящаго, реального соотношенія силъ борющихся группъ, только убиваетъ групповую активность интеллигенціи, т. е. отрываетъ все болѣе и болѣе ее отъ массъ, отъ „народа“. Общественная драма русской радикальной интеллигенціи усилилась именно съ того момента, когда въ ея міровоззрѣніи стали господствовать принципы и идеалы космополитизма и социализма, какъ воплощенія безконечно отдаленнаго будущаго социальнаго строя.

Только *національная* интеллигенція, т. е. интеллигенція, проникнутая живымъ чувствомъ кровной своей связи съ данною національною группою, найдетъ въ себѣ животворящее ощущеніе прочной связи съ общественнымъ коллективомъ; только она будетъ активно и чутко относиться къ интересамъ родной общественной группы; только она будетъ имѣть дѣйствительное право на интеллектуальное и общественное представительство своей группы; только она будетъ имѣть нравственное право на вліяніе, на видоизмѣненіе всего уклада моральнаго и общественнаго міровоззрѣнія массъ того коллектива, съ которымъ она кровно связана. Безъ національнаго живого чувства и сознанія интеллигенція это—отбросъ общественныхъ группъ, накипь на нихъ, годная только въ качествѣ механической служебной силы для господствующихъ группъ и отчасти для государства, поскольку государство является подчиненнымъ болѣе сильнымъ, господствующимъ группамъ. Но *русская* радикальная интеллигенція глубоко ошибается, полагая, что

въ „государствѣ“, вѣрнѣе въ „государственной власти“, въ исполнительномъ органѣ государства, когда либо перестанетъ отражаться борьба общественныхъ группъ, въ томъ числѣ и группъ національныхъ. Усиленіе въ группѣ „государственной власти“ такихъ напр. національныхъ группъ, какъ еврейская, польская, нѣмецкая,—неизбѣжно вызоветъ использованіе государственной машиной для своей службы интеллигенціи именно предпочтительно этихъ національностей—еврейской, польской, нѣмецкой. На долю же обреченной тогда на количественное вымираніе *русской* радикальной интеллигенціи останется утѣшаться идеалами будущаго соціалистическаго равенства, а пока видѣть свой народъ, свои національныя массы обреченными на одинъ матеріально-производительный трудъ, доходъ отъ котораго будетъ распределяться пока совсѣмъ не по соціалистическимъ нормамъ! Родныя народныя массы будутъ оставаться безъ своей, національной интеллигенціи, по крайней мѣрѣ безъ такого ея количества, которое соотвѣтствовало бы по всей справедливости долѣ труда ихъ въ созданіи государства. Родныя народныя массы будутъ фактически въ большей степени соціально-политическаго рабства, чѣмъ при правильномъ, энергичномъ развитіи чувства національной солидарности, при правильной, основанной на справедливости и соглашеніи групповой, національной борьбѣ за свои интересы.

Наконецъ, интеллигенція не должна забывать еще и того, что не въ ея силахъ обречь и народныя, демократическія массы на такое же добровольное рабство противному ихъ интересамъ міровоззрѣнію, на какое обрекаетъ себя радикальная интеллигенція, увлекаясь соціалистическими идеалами, далеко не вполнѣ отвѣчающими соціальной структурѣ самой интеллигенціи. Напрасно интеллигенція старается отождествлять себя съ пролетаріатомъ. Въ этомъ—явная погрѣшность противъ реальной дѣйствительности, какъ ни лестно интеллигенціи считать себя въ „арміи пролетаріата“. Безспорно, армія пролетаріата это—серьезнѣйшая реальная дѣйствительность, сильнѣйшая, если не въ настоящемъ, то въ будущемъ, общественная группа, съ интересами и требованіями которой придется считаться всѣмъ остальнымъ не пролетарскимъ,

имущимъ общественнымъ группамъ. Но нужно же смотрѣть на свою собственную социальную структуру реалистически, а не съ завязанными глазами. Нужно опредѣлить свое социальное мѣсто точно и ясно, а не подъ однимъ увлеченіемъ „великихъ и свѣтлыхъ идеаловъ“ будущаго социалистическаго строя“. Нужно что нибудь одно: или связывать себя реально, т. е. социально, съ точки зрѣнія общественнаго коллектива, съ „арміей пролетаріата“, если этотъ общественный коллективъ представляетъ уже и у насъ безспорную, опредѣленно очерченную реальную дѣйствительность; или же распредѣлять себя между другими социальными группами, реальное существованіе которыхъ уже не подлежитъ никакому сомнѣнію. Русская же радикальная интеллигенція весьма склонна считать себя социалистической, не будучи таковой почти ни въ какой мѣрѣ. Получается и здѣсь фикція, отсутствіе живой, жизненной связи съ реальными общественными группами.

Хуже того: русская радикальная интеллигенція усвоила совершенно некультурную, ничѣмъ не обоснованную идею, что *только* пролетарская общественная группа заслуживаетъ особаго общественнаго сочувствія и поддержки, и что всѣ другія группы, какъ буржуазныя, являются носительницами идеаловъ насилія и началъ общественной несправедливости, а потому не только не заслуживаютъ симпатіи и поддержки, а подлежатъ безпощадной борьбѣ съ ними всѣхъ общественно-сознательныхъ элементовъ интеллигенціи. Эта наивная, некультурная, и въ то же время крайне нетерпимая, почти фанатическая групповая идея тоже морально подавляетъ, поработщаетъ радикальную интеллигенцію, при томъ не только ея рядовыя массы, но даже и ея руководителей. Достаточно вспомнить, что и въ литературѣ, и на общественныхъ собраніяхъ интеллигенціи не рѣдко наталкиваемся на формулу: „интеллигенція не можетъ, не должна служить буржуазіи; она должна служить только свѣтлымъ идеаламъ социалистическаго будущаго; служба буржуазіи—служеніе реакціи“... и т. д. И радикальная, демократическая интеллигенція слѣпо подчиняется этой ребячески несостоятельной формулѣ, забывая даже ту простую реальную истину, что основа русскаго государственнаго организма, основа русской націи—многомилліонное крестьян-

ство представляет ни что иное, какъ массовую мелкую буржуазію, питающую, выращивающую, создающую и буржуазію средняго и крупнаго калибра. Самую очевидную реальную дѣйствительность русская радикальная интеллигенція забываетъ ради сомнительной еще по русскимъ условіямъ, во всякомъ случаѣ преувеличенной фикціи „великой арміи пролетаріата“. Наконецъ, если бы даже „великая армія пролетаріата“ была въ Россіи не фикціей, а реальной и крупной дѣйствительностью, то серьезная общественная мысль не можетъ же основывать идеи прогресса на служеніи только одной общественной группѣ. Дѣлать это значитъ прежде всего отрицать принципъ общественной солидарности, общественнаго соглашенія группъ въ цѣляхъ объединенія въ болѣе широкій общественный коллективъ,—въ государство. Отрицаніе этого коллектива, государства, въ данный историческій моментъ равносильно для общественныхъ группъ самоуничтоженію, такъ какъ подъ этимъ отрицаніемъ кроется стремленіе къ поработенію одной группой другихъ, стремленіе къ абсолютному господству надъ тѣми группами, существованіе, *raison d'être* которыхъ съ точки зрѣнія культуры, прогресса пока не подлежитъ никакому сомнѣнію. Жизненность и жизнеспособность этихъ группъ, въ данномъ случаѣ—группъ имущихъ, буржуазныхъ, начиная отъ самаго мелко-имущаго крестьянства и кончая обладателями самыхъ крупныхъ латифундій,—даегъ этимъ группамъ силу въ борьбѣ съ посягательствами другихъ группъ на ихъ существованіе. Поэтому идеаль абсолютнаго господства „великой арміи пролетаріата“ является соціально-политическимъ абсурдомъ, грубо и жестоко реакціоннымъ по своей сущности, не говоря уже о его фактической несбыточности. И „великая армія пролетаріата“, если она желаетъ быть здоровой общественной группой, должна исходить изъ принципа *соглашенія*, т. е. до извѣстной степени и солидарности группъ, вытекающей изъ начала здоровой же общественной борьбы группъ. Пролетаріатъ точно также не можетъ и не долженъ отрицать современнаго государства только потому, что оно не отвѣчаетъ его крайнимъ, конечнымъ соціалистическимъ идеаламъ и требованіямъ. Внѣ современнаго государства и „великая армія пролетаріата“ точно такъ же не мыслима, какъ и

всякая другая общественная группа. Отрицаніе современнаго государства пролетаріатомъ равносильно уничтоженію почвы для собственнаго его развитія, равносильно самоотрицанію, самоуничтоженію. Пролетаріатъ, какъ общественная группа, можетъ бороться за извѣстныя, возможныя по реальнымъ условіямъ даннаго момента, уступки со стороны другихъ группъ, со стороны государства, но не жить нелѣпнымъ, некультурнымъ, совершенно неосуществимымъ крайнимъ партійнымъ шовинизмомъ---покореніемъ, порабощеніемъ всѣхъ другихъ общественныхъ группъ пролетаріату. Если руководящая „великой арміей пролетаріата“ интеллигенція думаетъ, что партійно шовинистическій лозунгъ полнаго господства пролетаріата представляетъ „тактическую“ силу, она грубо ошибается: этотъ лозунгъ только безплодно раздражаетъ остальные общественныя группы, вызываетъ тяжелыя и бесполезныя жертвы со стороны пролетаріата, которыя въ концѣ концовъ совершенно справедливо вызовутъ раздраженіе пролетарскихъ массъ противъ своихъ интеллигентныхъ руководителей. „Махаевщина“ это—первые плоды того справедливаго отчужденія массъ отъ интеллигенціи въ „великой арміи пролетаріата“, которое коренится въ нелѣпой, жестокой, хищнической по отношенію къ массамъ „тактикѣ“ предводителей арміи: вмѣсто разумной, жизненной, цѣлесообразной общественной борьбы группъ, интеллигенція, идущая на служеніе пролетаріату, культивируетъ „тактику“ партійнаго шовинизма; тактику абсолютнаго господства пролетаріата надъ другими группами; тактику отрицанія того самаго государства, которымъ живетъ и пролетаріатъ; тактику самаго щедрого расточенія живыхъ силъ пролетаріата, хотя бы даже при столь же щедромъ расточеніи и силъ той интеллигенціи, которая служитъ пролетаріату. Но интеллигенція—единицы, а пролетаріатъ—массы. Массовыя жертвы для массъ въ концѣ концовъ гораздо чувствительнѣе, чѣмъ „геройскія“ жертвы интеллигенціи. Охлажденіе и отчужденіе массъ отъ интеллигенціи должно служить ей серьезнымъ политическимъ урокомъ, должно прежде всего измѣнить партійную тактику, вѣрнѣе—самую основную идею, посылку въ этой тактикѣ: вмѣсто порабощенія, абсолютнаго господства и для „великой арміи пролетаріата“ долженъ обладать законной силой принципъ групповыхъ соглашеній, принципъ

общественной солидарности, вытекающей изъ здоровой, планомерной общественной борьбы группъ, при ясномъ сознаниі не только своихъ интересовъ, но и законныхъ правъ другихъ группъ, вызывающихъ необходимость цѣлесообразныхъ взаимныхъ уступокъ. Совершенно та же основная посылка, какъ и въ общественныхъ отношеніяхъ національныхъ группъ. Не шовинизмъ, не непримиримость, не стремленіе къ абсолютному господству и поработченію, а сознаниі не только групповыхъ, но и общихъ, присущихъ общественному коллективу интересовъ, требованій, а слѣдовательно и необходимость взаимныхъ групповыхъ уступокъ. Демократическая интеллигенція, конечно, должна стоять на сторонѣ болѣе слабыхъ группъ; но это не должно позволять ей отрицать справедливыя права и группъ болѣе сильныхъ, тѣмъ болѣе, если права эти санкціонируются исторіей и интересами культурнаго прогресса. Національныя группы шире группъ соціально-экономическихъ. Поэтому національные интересы, національное чувство и самосознаніе могутъ и должны стоять на первомъ планѣ у интеллигенціи независимо отъ ея соціально-политической группировки. Фактически, при достаточно развитой политической жизни страны, это такъ и бываетъ. Даже „великая армія пролетаріата“ проявляетъ національный эгоизмъ напр. въ вопросахъ иммиграціи: если бы еврейскій пролетаріатъ изъ Россіи двинулся большой волной въ другія культурныя страны—въ Германію, Англію, Соединенные Штаты, неужели соціалисты-депутаты этихъ странъ голосовали бы за свободное допущеніе иноземнаго пролетаріата въ свои страны? Конечно, нѣтъ. И поступили бы они такъ въ значительной степени и по чувству національнаго эгоизма; національно-групповая солидарность оказалась бы сильнѣе соціально-групповой солидарности. А характерное выступленіе чешскихъ соціаль-демократовъ противъ національнаго господства и насилія нѣмецкихъ соціаль-демократовъ надъ инонаціональными въ Австріи, — имѣвшее мѣсто не только что закончившемся соціалистическомъ конгрессѣ въ Копенгагенѣ?!. И, конечно, не національной демократіи осуждать такое отношеніе къ групповой борьбѣ даже тѣхъ группъ, которыя въ свое общественное міровоззрѣніе какъ будто бы совершенно не включаютъ идей націонализма, какъ будто бы совершенно подчиняются идеямъ полнаго космополитизма, полной солидарности челоуѣчества,

какъ реального коллектива! Для національной демократіи „человѣчество“ есть только идеальный коллективъ, идеаль отдаленнаго будущаго, къ которому можно прити только путемъ длиннаго историческаго процесса, основаннаго на планомерной, здоровой, общественной борьбѣ группъ, вырабатывающей равнодѣйствующую для своего соглашенія, для роста общественной солидарности группъ, для объединенія ихъ въ болѣе крупныя реальные коллективы, крупнѣйшимъ изъ которыхъ въ настоящій періодъ являются только государства. Національное демократическое міровоззрѣніе представляетъ себѣ государство не какъ „организованное насиліе“, не какъ слугу и орудіе какого-либо одного общественнаго класса, а какъ выраженіе той координаціи групповыхъ интересовъ, той равнодѣйствующей групповой борьбы, которая является здоровымъ, жизненнымъ результатомъ общественной борьбы группъ за свои интересы. Государство—наиболѣе крупный реальный коллективъ. Живая связь, солидарность общественныхъ группъ съ охватывающимъ ихъ коллективомъ—государствомъ является такимъ же условіемъ жизни группъ, какъ для отдѣльной личности ея солидарность, ея живая связь съ группой. Въ государства не возможно нормальное, прогрессивное развитіе общественныхъ группъ, т. е. и составляющей основу этихъ группъ—демократіи. Вотъ почему національно-демократическое міровоззрѣніе ни въ какомъ случаѣ не можетъ быть антигосударственнымъ. Мало того, національно-демократическое міровоззрѣніе не можетъ не быть консервативнымъ въ государственномъ смыслѣ: для національной демократіи, какъ представительницы главнымъ образомъ мелко и средне имущихъ массъ, политическій прогрессъ страны мыслимъ только въ формѣ эволюціоннаго процесса, медленно созидательнаго, но не разрушительнаго, всегда связаннаго съ тормазами въ производительномъ трудѣ, съ уничтоженіемъ накопленнаго труда, накопленной общественной энергіи. Такой же консерватизмъ неизбѣжно присущъ національной демократіи и въ сферѣ социальныхъ отношеній.

Переходя къ политической характеристикѣ и организаціи національной демократіи, мы не можемъ не признавать основными чертами національной демократіи въ этомъ отношеніи прежде всего ея *государственность* и ея *здоровый, эволюціонный консерватизмъ*.

Національно-демократическая партія.

Всякая достаточно замѣтная общественная группа имѣетъ право на свое политическое выраженіе въ партіи и вполне естественно стремится къ этому выраженію, къ организации въ политическую партію, если условія политической жизни страны позволяютъ проявляться общественно-политической борьбѣ группъ, дѣлають эти проявленія достаточно цѣлесообразными. Этотъ моментъ наступаетъ только съ введеніемъ народнаго представительства въ государственное управленіе. Только съ этого момента начинается ростъ общественно-политическаго самосознанія группъ и ихъ таковой же борьбы—въ законодательныхъ учрежденіяхъ. До тѣхъ поръ элементъ политическаго самосознанія, а тѣмъ болѣе объединенія, остается скорѣе въ потенціальномъ, чѣмъ въ активномъ состояніи, накопляясь и созрѣвая главнымъ образомъ въ борьбѣ соціально-экономической, являющейся подготовительной почвой для борьбы политической. Но какъ только наступаетъ возможность и цѣлесообразность использования группового объединенія, групповой солидарности въ цѣляхъ вліянія на законодательную дѣятельность государства, такъ таившееся въ потенціальномъ состояніи политическое самосознаніе группъ облекается въ форму планомѣрной политической организации, въ форму политической партіи. Эта формировка общественныхъ группъ въ политическія партіи тѣмъ легче, чѣмъ однороднѣе соціально-экономическіе интересы индивидуумовъ, объединяемыхъ группой. Вотъ почему, напр., политическая организация пролетаріата представляется несравненно болѣе легкой, чѣмъ политическая организация имущихъ группъ, особенно мелко-и средне-имущихъ массъ буржуазной демократіи. По соціально-экономическимъ признакамъ и даже интересамъ буржуазія въ сущности распадается на безконечное количество мелкихъ группъ, къ тому же мало склонныхъ къ объединенію по соціально-экономическимъ признакамъ. Здѣсь добиться фактическаго соглашенія, фактической солидарности чрезвычайно трудно. Вотъ почему „буржуазное“ государство фактически является не государствомъ буржуазіи, а государствомъ отдѣльныхъ, обычно небольшихъ и случайныхъ группъ буржуазіи, именно поэтому такъ легко подчиняющихся вліянію

исполнительныхъ элементовъ власти—бюрократіи. Для того, чтобы бюрократія, конечно, всегда и при всякихъ условіяхъ необходимая въ государственномъ управленіи, фактически заняла то мѣсто, какое ей принадлежитъ по праву, вѣрнѣе—по обязанности, т. е. играла бы только *исполнительную* роль, необходимо прежде всего политическое объединеніе и проявленіе болѣе крупныхъ общественныхъ группъ, могущихъ участвовать въ политической жизни страны. Для имущихъ массъ, для буржуазіи всѣхъ ея отгѣнковъ, это политическое объединеніе необходимо еще въ большей степени, чѣмъ для массъ не-имущихъ, и безъ того достаточно легко объединяемыхъ своей соціально-экономической однородностью. Въ имущихъ массахъ гораздо легче и раньше объединяются крупно-имущія группы, почему именно имъ прежде всего и раньше всего принадлежитъ политическая власть въ „буржуазномъ“ государствѣ. Но къ политической власти, какъ къ одному изъ важнѣйшихъ орудій въ борьбѣ за соціально-экономическіе групповые интересы, всегда и вездѣ стремятся всѣ общественныя группы, и государство неизбѣжно должно санкціонировать это стремленіе расширеніемъ рамокъ политической самостоятельности группъ тогда, когда напряженность этого стремленія достигаетъ той степени, при которой дальнѣйшее повышеніе политическаго потенціала общественныхъ группъ было бы сопряжено съ извѣстными серьезными затрудненіями для государства. А съ того момента, когда государство найдетъ болѣе цѣлесообразнымъ дать закономѣрный выходъ для политическаго потенціала общественныхъ группъ, для него является ближайшей и серьезнѣйшей политической цѣлью—возможно шире и энергичнѣе способствовать росту политическаго самосознанія и политическаго объединенія достаточно однородныхъ общественныхъ группъ, т. е. способствовать и росту дѣйствительныхъ, отвѣчающихъ реальной общественной группировкѣ, политическихъ партій и ихъ возможному объединенію.

Наличность множества мелкихъ политическихъ партій—признакъ примитивнаго, бурно бродящаго состоянія и уровня политической жизни страны, признакъ крайне недостаточнаго объединенія двухъ основныхъ соціально-экономическихъ группъ общества—имущихъ и не-имущихъ. Конечно, это

идеальное дѣленіе общественныхъ группъ и эта идеальная картина политической борьбы въ странѣ возможна только въ качествѣ конечнаго результата продолжительнаго эволюціоннаго процесса, въ которомъ дифференцировка группъ неизбѣжно должна быть гораздо сложнѣе, а потому и количество политическихъ партій—гораздо больше. Но руководящей нитью въ этомъ эволюціонномъ процессѣ все же должно оставаться основное дѣленіе общественныхъ группъ на имущія и не-имущія. Всегда и вездѣ имущія, буржуазныя группы объединяются особо, а не-имущія, пролетарскія, тоже особо. Для первыхъ основнымъ объединяющимъ началомъ является имущественность, хозяйственность; для вторыхъ—отсутствіе собственности. Но насколько *отсутствіе* собственности является всеобщимъ и равнымъ признакомъ для пролетаріата, настолько имущественность и хозяйственность является всеобщимъ, но далеко не равнымъ признакомъ для группъ имущихъ, для буржуазіи. Поэтому, если для пролетаріата, для его объединения достаточно даже одного отрицательнаго признака,—*отсутствія* собственности, то для буржуазіи и для ея объединения одной наличности собственности далеко не достаточно. Напротивъ, по этому признаку она будетъ стремиться разбиваться на безконечное число болѣе мелкихъ группъ, которыя въ соціально-экономическомъ отношеніи въ состояніи будутъ объединяться только при групповомъ столкновеніи съ пролетаріатомъ. Для болѣе же тѣснаго внутренняго объединенія имущихъ группъ необходимы и другія начала, кромѣ начала соціально-экономическаго. Такимъ началомъ является прежде всего и сильнѣе всего—*національное* начало. Оно является естественной и могущественной объединяющей силой для общественныхъ группъ не только независимо, но даже въ извѣстныхъ случаяхъ и вопреки соціально экономическимъ ихъ интересамъ. Вотъ почему національное единство *націй*—вѣрнѣйшій залогъ внутренней ея сплоченности. вѣрнѣйшій залогъ болѣе равнаго, эволюціоннаго ея политическаго развитія. Разноплеменность націй усложняетъ процессъ ея объединенія, ея государственнаго развитія, такъ какъ нѣтъ и никогда не можетъ быть національныхъ группъ абсолютно равносильныхъ, а безспорная наличность національнаго объединенія этихъ группъ неизбѣжно толкаетъ ихъ на общественную борьбу съ дру-

гими національными группами. Но разъ уже эта разнонаціональность націи представляет фактическое условіе ея существованія и развитія, съ ней безусловно необходимо считаться и изъ нея исходитъ въ процессѣ политическаго объединенія разнонаціональныхъ группъ буржуазіи.

Поэтому въ политическую группировку имущихъ массъ необходимо долженъ быть включенъ національный принципъ, какъ бесспорная объединяющая сила. Какъ фактически, въ дѣйствительности существуетъ не единая, абстрактная, вѣрнѣе—безнаціональная буржуазія, а существуетъ буржуазія русская, еврейская, польская, нѣмецкая и т. д., такъ и въ политическомъ сознаніи отдѣльныхъ группъ буржуазіи должна быть ясная формулировка своей національной принадлежности. Это ясное національное самосознаніе облегчитъ общественную борьбу группы за ея интересы, будетъ способствовать росту ея общественной силы. Особенно необходимо это національное самосознаніе для мелко и средне имущихъ массъ буржуазіи, которыя мы съ полнымъ правомъ можемъ называть мелкой и средней имущей демократіей. И тотъ взрывъ націонализма, который мы въ настоящій моментъ наблюдаемъ въ политическомъ сознаніи русскихъ народныхъ массъ, который мы, конечно, не можемъ считать какимъ либо искусственнымъ политическимъ продуктомъ, такъ какъ онъ органически вытекаетъ изъ необходимости политическаго самосознанія и самоопредѣленія общественныхъ группъ, уже призываемыхъ къ планомерной и закономерной политической жизни, этотъ взрывъ націонализма въ Россіи какъ нельзя болѣе убѣдительно говоритъ о его необходимости. Мелко и средне имущая демократія въ Россіи должна быть національной и она будетъ національной, какъ бы ни шла въ разрѣзъ съ этимъ даже вся русская интеллигенція! Правда, и этого не будетъ. Народныя массы, народныя демократическія группы въ концѣ концовъ подчинятъ себѣ интеллигентныя группы, и общественно-политическое міровоззрѣніе интеллигенціи неизбѣжно должно будетъ включить элементъ націонализма. Можетъ быть, процессъ націонализаціи интеллигенціи будетъ ити у насъ медленно, такъ какъ главныя кадры русской интеллигенціи состоятъ на службѣ у государства; а государство, какъ выраженіе извѣстной общественной равнодѣйствующей, по которой координируются взаим-

ные интересы разнообразных общественных группъ, входящихъ въ государство, вынуждено считать этотъ „принципъ равнодѣйствующей“ обязательнымъ и для политическаго міровоззрѣнія состоящей на службѣ ему интеллигенціи. Но уже сама необходимость яснаго, сознательнаго опредѣленія этой равнодѣйствующей должна будетъ заставлять и интеллигенцію, служащую государству, устанавливать также свою національную группировку, соотвѣтственно такой же группировкѣ производительныхъ массъ.

Само государство, вѣрнѣе сама исполнительная государственная машина неизбѣжно должна будетъ, въ извѣстные моменты и при извѣстныхъ условіяхъ, становиться національной не только въ смыслѣ отраженія націи, какъ сборнаго и въ національномъ отношеніи цѣлаго, но даже и въ смыслѣ отраженія одной опредѣленной національности, интересы которой въ данный моментъ получаютъ доминирующее положеніе и отраженіе въ „равнодѣйствующей“. Вотъ почему, напр., въ данный моментъ вполне законнымъ для русской государственной власти является лозунгъ: „государственная власть должна быть національной—русской“! Когда преобладающая въ государствѣ русская—всѣхъ ея трехъ вѣтвей—национальность въ критическій періодъ зарожденія и укрѣпленія новаго политическаго фактора—народнаго представительства—чувствуетъ и видитъ самый рѣшительный и жадный натискъ другихъ, болѣе сильныхъ экономически и культурно-национальныхъ группъ въ цѣляхъ захвата соотвѣтственно же сильныхъ позицій и въ этомъ новомъ политическомъ факторѣ, тогда коренная, но болѣе слабая культурно, національная группа не только вправѣ, но и обязана предъявлять своему правительству, своей государственной власти требованіе быть національными, т. е. оберегать политическіе интересы коренной національности по крайней мѣрѣ до тѣхъ поръ, пока коренная національность не сплотится политически настолько, чтобы собственными групповыми силами оберегать свои политическіе интересы отъ излишне неуступчивыхъ притязаній другихъ національныхъ группъ!

Однако, не пренебрегая помощью государственной власти, коренныя національныя группы должны и сами по себѣ энергично развивать и ускорять свое политическое самосознаніе и объединеніе. Онѣ должны организоваться въ

національныя политическія партіи. Должны это дѣлать не только крупно-имущіе верхи національныхъ группъ, но и ихъ демократическія массы.

Русская національная демократія должна въ близкомъ будущемъ представлять одну изъ самыхъ крупныхъ политическихъ партій въ Россіи. Думская фракція *націоналистовъ*, по своей, пока еще слабо и неясно выраженной идеологіи и программѣ, представляетъ уже до извѣстной степени прообразъ будущей національно-демократической партіи. Защита національныхъ интересовъ русскаго коренного населенія, т. е. и русской имущей демократіи, характеризующая фракцію націоналистовъ, позволяетъ намъ считать ее думскимъ ядромъ будущей партіи. Зародыши же этой партіи совершенно явственно видны во многихъ изъ существующихъ уже русскихъ политическихъ организацій, начиная отъ *союза русскаго народа* и кончая даже *трудо-вой группой*.

Меня, конечно, снова и снова не преминуть упрекнуть за такое сближеніе „союза русскаго народа“ съ „трудо-вой группой“, а между тѣмъ это сближеніе имѣетъ всѣ основанія и дѣлалъ я его въпечатли еще два три года назадъ. Конечно, *въ программѣ* „трудо-вой группы“ не было и тѣни націонализма. Эта программа—цѣлкомъ продуктъ радикально-космополитическихъ теченій русской интеллигенціи: соціалъ-революціоннаго, народно-соціалистическаго, чуть-чуть соціалъ-демократическаго, а больше всего—просто російски-интеллигентскаго, т. е. непремѣнно радикальнаго, непремѣнно абстрактнаго, непремѣнно мечтательно-утопическаго, и въ то же время благодушно-гуманнаго, никого не желающаго обидѣть, кромѣ единаго „общаго врага“ — „самодержавно-бюрократическаго строя“! Всѣмъ полная свобода и только „самодержавной бюрократіи“ полная смерть!... Отъ реальныхъ вопросовъ и условій жизни и политики выросшее на хорошихъ книжкахъ общественно-политическое міровоззрѣніе російской радикальной интеллигенціи всегда было далеко, далекимъ осталось и въ моментъ зарожденія народно-представительнаго строя въ Россіи! И не одни, конечно, трудовики-интеллигенты и ихъ еще болѣе радикальные вдохновители страдали этой отдаленностью отъ реальныхъ условій жизни и политики.

Въ такой же почти мѣрѣ повинны были въ этомъ и кадеты, по крайней мѣрѣ рядовые...

Но было бы совершенно не основательно оцѣнивать политическія партіи и организациі только по той интеллигенціи, которая кажется ихъ выразителемъ и руководителемъ, не смотря на то, что она и говоритъ и дѣйствуетъ отъ имени партій и организаций. Правильная, реалистическая оцѣнка партій и организаций возможна только путемъ внутренняго ихъ анализа, т. е. путемъ анализа *массовыхъ* элементовъ, входящихъ въ партіи и организациі, или хотя бы увлекаемыхъ ими въ отдѣльные моменты.

Если мы посмотримъ на „трудовую группу“ съ такой точки зрѣнія, то картина получится совсѣмъ не такая, къ какой мы привыкли, и „трудовая группа“ окажется совсѣмъ не такой страшной, революціонной организаціей, какой ее привыкли считать въ правящихъ и въ правыхъ кругахъ.

Прежде всего мы должны остановиться на томъ замѣчательномъ, но мало понятомъ фактѣ, котораго не отрицала и сама же интеллигенція трудовой группы на своихъ съѣздахъ и конференціяхъ; это—полная фиктивность трудовой группы „на мѣстахъ“: не смотря на заманчивый для массъ лозунгъ полного земельного уравнинія, не смотря на политическій и социальный радикализмъ „платформы“ трудовой группы, а вѣрнѣе—именно благодаря имъ, благодаря внутреннему несоотвѣтствію этихъ лозунговъ и этого чисто интеллигентскаго радикализма всему укладу социально политическаго сознанія массъ, трудовая группа на мѣстахъ, въ массахъ не породила рѣшительно никакихъ политическихъ организаций. Небольшія, социальны безсильныя кучки мѣстной низшей радикальной интеллигенціи кое-какъ пытались играть въ связь съ „центральный комитетомъ“ группы, забавлялись полученіемъ „директивъ“ отъ этого комитета, но этимъ и кончалось вліяніе трудовой группы на мѣстахъ. Объ этомъ ярко говорилось на конференціяхъ трудовой группы послѣ роспуска второй Думы; объ этомъ я писалъ тогда же въ своихъ статьяхъ объ эволюціи трудовой группы и въ своемъ открытомъ письмѣ центральному комитету группы. И въ то же время я и сейчасъ скажу, что если бы теперь снова были объявлены выборы въ Думу

хотя бы по перводумскому избирательному закону, трудовая группа въ Думѣ снова насчитывала бы не меньшее число членовъ! Но этотъ успѣхъ, какъ писалъ я еще передъ выборами во вторую Думу въ своей книгѣ „Политическія партіи и группы въ государственной Думѣ“, объяснялся бы не силой трудовой группы, какъ политической организаціи, и не ея „платформой“, а лишь инстинктивнымъ стремленіемъ крестьянства проводить въ Думу своихъ, крестьянскихъ представителей, да инстинктивнымъ же, вѣрнѣе стихійнымъ недовольствомъ мелко-имущаго крестьянства своимъ экономическимъ положеніемъ и общими недостатками соціального и административнаго уклада. Но какъ далека все же эта крестьянская политическая стихія отъ „платформы“ трудовой группы! Какъ далеки были отъ нея тѣ десятки подлинныхъ крестьянъ, которые въ первой и во второй Думѣ подписывали законопроекты трудовой группы, даже земельный ея законопроектъ!

Когда я, и тогда противникъ этого законопроекта, спрашивалъ и южныхъ, и сѣверныхъ крестьянъ-трудовиковъ, дѣйствительно ли они согласны на уничтоженіе личной земельной собственности, очень многіе отвѣчали: „да не въ томъ дѣло! дайте только намъ землю, а тамъ ужъ мы посмотримъ“!... Когда радикальные интеллигенты и полуинтеллигенты-трудовики громили „поповъ“ и „церковное просвѣщеніе“, многіе крестьяне-трудовики молчаливо настораживались, какъ будто кто-то чужой неосторожно касался тайниковъ ихъ души, и видно было, что лучше бы сдѣлали интеллигенты, если бы воздержались отъ своихъ филиппикъ... Когда въ рѣчахъ громили земскихъ начальниковъ, крестьяне еще одобряли. Но когда касались инстанцій и вопросовъ болѣе центральныхъ и основныхъ, крестьяне больше молчали и недоумѣвали, чѣмъ одобряли. Дружное, рѣшительное настроеніе интеллигенціи, конечно, дѣйствовало на крестьянъ покоряюще. Смутное, но глубокое общее недовольство массъ, конечно, было и отражалось. Но политической живой связи массовыхъ элементовъ группъ съ ея интеллигентными и даже полуинтеллигентными руководителями все же не было! И раньше говорилъ, и теперь скажу, что въ трудовой группѣ были массовые элементы самыхъ разнообразныхъ оттѣнковъ—отъ истерически-револю-

ціонних до скрито „союзнических“, т. е. опредѣленно націоналистических и ужъ во всякомъ случаѣ „антисемитских“, а въ соціальному отношеніи крестянски консервативныхъ, т. е. стоящихъ и за порядокъ, и за церковь, и за патріархальную семью, и за мирный, приобрѣтательскій хозяйственный трудъ на почвѣ строгой личной собственности. Другими словами были элементы съ твердой почвой для міровоззрѣнія національно-демократическаго, но никакъ не радикально-космополитическаго! Безспорно, эти элементы были менѣе многочисленны и совершенно не вліятельны, но, можетъ быть, только по той причинѣ, что гдѣ же тогда были прочныя и вліятельныя элементы строго реальнаго, еволюціонно прогрессивнаго и въ тоже время демократическаго характера? Если въ моментъ зарожденія новаго политическаго строя даже въ высшихъ представителяхъ старой государственной власти и въ придворныхъ кругахъ находились горячіе сторонники радикальных „платформъ“, то какъ могли массовыя крестьяне осмѣлиться обнаруживать свой инстинктивный соціально-политическій обликъ и пойти противъ радикализма и даже социализма!

Но крестьяне консервативно-національнаго склада были и въ „парламентской трудовой группѣ“. Они не могли не быть, такъ какъ крестьянство въ дѣйствительной жизни въ огромномъ большинствѣ проникнуто міровоззрѣніемъ именно такого склада.

А что представляютъ изъ себя массовыя элементы крайнихъ правыхъ организацій, начиная съ „союза русскаго народа“, какъ не національно-демократическое крестьянство различныхъ слоевъ — деревенскаго земледѣльческаго и городского торгово-промышленнаго и ремесленнаго? Можетъ быть нѣкоторая часть высшихъ руководителей этихъ организацій представляетъ даже „революціонеровъ справа“, столь же истеричныхъ, какъ „революціонеры слѣва“. Можетъ быть эта интеллигенція крайнихъ правыхъ организацій столь же утопически-радикально борется за какіе-то, мало и недостаточно реально понятные ей интересы. Можетъ быть эта крайняя, радикально-правая интеллигенція столь же мало жизненно связана съ руководимыми ею массами, и дѣйствуетъ больше за свой страхъ, за свою совѣсть и даже за свои личные, а не политическіе, интересы... Все это возможно.

Но отнестись такъ неистово, непримиримо къ правымъ организаціямъ, особенно къ „союзу русскаго народа“, какъ отнеслась наша радикально-космополитическая печать и интеллигенція, можно было только при крайнемъ моральномъ рабствѣ русской національной интеллигенціи передъ радикально-космополитическимъ міровоззрѣніемъ, вѣрнѣе—передъ его непримиримыми, шовинистическими дѣятелями и руководителями, среди которыхъ—поголовно вся еврейская радикальная интеллигенція, національный эгоизмъ которой больше всего способствовалъ появленію этой ожесточенной вражды къ „черносотенству“, т. е. къ проявленію русскаго націонализма, сразу ставшаго лицомъ къ лицу съ націонализмомъ еврейскимъ.

Русская радикальная интеллигенція до сихъ поръ еще не желаетъ задуматься надъ тѣмъ, что въ правыхъ организаціяхъ есть не только интеллигентные руководители, но есть и демократическія массы—крестьянство, мѣщанство, чернорабочіе, съ міровоззрѣніемъ которыхъ всей интеллигенціи не мѣшало бы считаться, если она хоть скольконибудь искренно и сознательно желаетъ быть дѣйствительно демократической! Интеллигенція до сихъ поръ не желаетъ задуматься надъ тѣмъ, что даже шовинизмъ правыхъ организацій является лишь реакціей, отвѣтомъ на такой же внутренней шовинизмъ космополитическаго радикализма, объявившаго ожесточенную, хотя и утопическую, войну не только націонализму, но и всему укладу, всему духу соціально-политическаго міровоззрѣнія имущихъ, хозяйственныхъ демократическихъ массъ! Радикальная интеллигенція забыла о законнѣйшемъ правѣ демократическихъ массъ на свое собственное, отвѣчающее условіямъ ихъ жизни, міровоззрѣніе, и стала смотрѣть на демократію, какъ на *матеріаль* въ рукахъ интеллигентныхъ политическихъ мастеровъ, могущихъ, имѣющихъ право лѣпить изъ этого матеріала какія угодно фигуры! И „матеріаль“ заговорилъ своимъ, тоже достаточно властнымъ языкомъ. На „платформу“ трудовой группы онъ отвѣчалъ пассивнымъ молчаніемъ; а на призывъ справа—по своему отозвались болѣе національно-активные и непримиримые элементы этого „матеріала“. Иначе и быть не могло при томъ внутреннемъ неуваженіи къ демократіи, при томъ интеллигентскомъ стремленіи къ „руководству“, т. е.

къ духовному порабощенію демократіи, какое кроется въ интеллигентской радикальной нетерпимости къ малѣйшему проявленію демократическаго консерватизма и еще болѣе демократическаго націонализма, безспорно задѣвающего интересы инородческихъ національныхъ группъ, особенно—еврейской!

Но какъ внѣшняя необходимость сплоченія крестьянскихъ депутатовъ въ „парламентскую трудовую группу“ не повлекла за собой жизненности „платформы“ трудовой группы въ народныхъ массахъ, въ демократіи,— такъ даже рѣзко обостренный, и уже по одному этому некультурный, шовинизмъ крайнихъ правыхъ организацій, носящій къ тому же больше интеллигентскій, чѣмъ массовый характеръ, нисколько не говоритъ противъ жизненности здороваго національнаго чувства и начала въ правыхъ организаціяхъ и противъ демократичности этихъ организацій, поскольку онѣ охватываютъ, привлекаютъ и народные массы. Хозяйственная демократія вездѣ остается сама собой—и въ трудовой группѣ, и въ союзѣ русскаго народа! Непониманіе радикальной русскаго интеллигенціей этой простой реальной истины только лишній разъ говоритъ объ отдаленности интеллигенціи отъ реальной жизни и политики, о недостаткѣ живой связи интеллигенціи съ демократическими массами и—снова и снова—о томъ моральномъ рабствѣ радикальной интеллигенціи передъ космополитизмомъ, отъ котораго можетъ освободить интеллигенцію только пробужденіе здороваго національнаго чувства и самосознанія!

Пробужденіе этого чувства и самосознанія подскажетъ русскаго интеллигенціи, сколько нибудь соприкасающейся съ политическими вопросами, и необходимость образованія, въ интересахъ широкихъ слоевъ мелко и средне имущей демократіи, народной, національно-демократической партіи.

Я не буду сейчасъ останавливаться на вопросѣ о программѣ этой будущей крупной русскаго политической партіи; на ея отношеніи къ другимъ болѣе или менѣе жизненнымъ русскимъ партіямъ; на ея отношеніи къ программѣ текущей дѣятельности правительства; на отношеніи національной демократіи къ другимъ общественнымъ слоямъ и группамъ; на ея внутреннемъ дѣленіи соотвѣтственно реальной группировкѣ демократіи по національностямъ, и т.

л.—словомъ я не буду пока останавливаться на конкретномъ анализѣ той партіи, образованіе которой намѣчается всѣмъ ходомъ политической жизни страны. Этотъ анализъ составить задачу особой моей работы о національно-демократической партіи въ Россіи. Пока же достаточно сказать, что общій духъ и характеръ національно-демократической партіи будетъ опредѣляться общественно-политическимъ міровоззрѣніемъ національной демократіи. А это міровоззрѣніе проникнуто прежде всего реализмомъ; оно чуждо всякаго общественно-политическаго утопизма, оно стоитъ за здоровый консерватизмъ въ соціальныхъ устояхъ, за разумный и твердый порядокъ въ государственной машинѣ, за хозяйственность и строгую отчетность въ экономической политикѣ государства, а слѣдовательно и за нормальное, плановое, эволюціонное развитіе началъ народнаго представительства и за дѣйствительный контроль народнаго представительства надъ дѣятельностью исполнительныхъ органовъ государственной власти.

Національно-демократическое міровоззрѣніе, какъ реалистическое, эволюціонное, не мирится съ утопическимъ требованіемъ—„все сразу“ и „все, или ничего“. Оно считается съ реальнымъ соотношеніемъ общественныхъ и политическихъ силъ; оно борется за интересы демократическихъ группъ, не забывая, что въ борьбѣ необходимы взаимныя уступки въ интересахъ цѣлаго, въ интересахъ конечнаго реальнаго общественнаго коллектива—государства. Національно-демократическое міровоззрѣніе—государственное міровоззрѣніе; и національно-демократическая партія будетъ партіей государственной, демократически консервативной, государственно-созидательной, а не разрушительной. Національно-демократическая партія будетъ солидарна съ тѣми партіями и группами, которыя прежде всего признають и оберегаютъ права коренныхъ національныхъ группъ, создавшихъ силу государства, и которыя не проливаются росту, экономическому, культурному и политическому развитію демократическихъ массъ этихъ группъ. Наконецъ, какъ партія реалистическая, національно-демократическая партія будетъ чужда шовинизма и нетерпимости, но въ то же время будетъ крѣпко стоять и бороться за интересы демократіи съ тѣми партіями и группами, которыя—подъ ка-

кимъ бы то ни было флагомъ — посягаютъ на нихъ. Такова въ самыхъ общихъ чертахъ соціально-политическая конструкція и характеристика той партіи, которая должна будетъ объединить русское хозяйственное крестьянство, вообще — мелкое и среднее землевладѣніе, городской слой мелкой и средней буржуазіи, громадное большинство сельскаго и городского духовенства и, наконецъ, значительный слой служилой и вольнопрофессіональной интеллигенціи, въ которой живо будетъ національное чувство и сознаніе своей связи съ народомъ.

Объединеніе мелкихъ и среднихъ слоевъ русской демократіи, конечно, дѣло чрезвычайно трудное, и, можетъ быть, пора сколько-нибудь серьезной, прочной ея политической организаціи въ національно-демократическую партію настанетъ еще не скоро. Но тѣмъ серьезнѣе и настоятельнѣе для значительной части русской демократической интеллигенціи обязанность работать какъ надъ выясненіемъ и утвержденіемъ собственнаго національно-демократическаго міровоззрѣнія, такъ и надъ объединеніемъ народныхъ, хозяйственно-демократическихъ массъ на почвѣ такого общественно-политическаго міровоззрѣнія!...

Pro domo sua

(Моимъ критикамъ).

Настоящіе очерки національно-демократическаго міровоззрѣнія являются самымъ общимъ предварительнымъ отвѣтомъ на тѣ принципиальныя возраженія и нападки, которымъ подвергалось и продолжаетъ подвергаться экономически-національное направленіе, проводимое, между прочимъ, и въ издаваемомъ мною еженедѣльникѣ „Кіевъ“.

Конечно, серьезный и добросовѣстный споръ въ вопросахъ общественно-политическаго міровоззрѣнія всегда и неизбѣженъ, и необходимъ. Такой споръ, оставаясь на принципиальной почвѣ, способствуетъ только выясненію борющихся взглядовъ и поднимаетъ работу общественнаго самосознанія.

Къ сожалѣнію, въ нашей, особенно газетной, печати серьезность и добросовѣстность общественно-политической

полемики съ сколько нибудь рѣзко, радикально расходящимися противниками, явленіе—рѣдкое. вмѣсто такой, единственно достойной печатнаго слова, полемики газеты заполняются травлей, инсинуаціями, подчасъ и просто клеветой, а вмѣсто спора *по существу*—игра на общихъ громкихъ, кричащихъ фразахъ и понятіяхъ. Къ еще большому сожалѣнію, въ этомъ повинны оба крайніе лагеря, что только усиливаетъ пропасть между общественными направленіями, понижаетъ плодотворность работы общественной мысли. Въ жизнь и въ работу печати вносятся худшіе нравы и приемы улицы, и вмѣсто воспитанія общественной мысли получается только деспотическое, меньше всего на сознаніи основанное *порабощеніе* читателей фанатической непримиримостью руководителей и работниковъ намѣчающихся общественно-политическихъ лагерей.

Мои выступленія съ экономически-національнымъ направлениемъ не избѣжали общей участи. Непримиримые газетные противники, мало или и вовсе не разбирая моихъ положеній по существу, прежде всего постарались возможно болѣе широко создать и распространить имъ славу реакціонности, челоѣконенавистничества, мракобѣсія и даже подкупности. Даже люди, близко знавшіе меня лично, напр. сотрудники „Кіевской Мысли“, — къ сожалѣнію, они по большей части евреи, что и даетъ мнѣ право упрекать ихъ въ крайнемъ, фанатичномъ проявленіи еврейскаго національнаго шовинизма,—даже такіе люди постарались прежде всего создать моимъ выступленіямъ славу реакціонности и подкупности. Моя программа—„въ виць-мундирѣ! Отъ перваго слова до послѣдняго — это программа „Россіи“... программа правительства... Теперь Локоть дѣлаетъ карьеру и, несомнѣнно, онъ снова получитъ профессуру.. Казенное перо“ и т. д., и т. д.

Таковы „тактическія“ красоты и „страхи“ радикальной печати. У меня собрался цѣлый альбомъ газетныхъ вырѣзокъ, и почти всѣ онѣ—все въ одномъ и томъ же родѣ: не серьезная, принципиальная борьба съ противникомъ, а чисто уличные, рассчитанные на легкую податливость массоваго читателя, приемы „уничтоженія“ противника. Общественно-политическая истина такую печать интересуется, видимо, очень мало. Въ ней больше говоритъ крайне раздраженное групповое чувство и желаніе во чтобы то ни стало властвовать

надъ мыслью, чувствомъ и совѣстью читателей безъ труда, одной хлесткой фразой, однимъ ѣдкимъ словомъ. И я продолжаю настаивать на томъ, что въ этомъ радикальномъ раздраженіи весьма видную роль играетъ *еврейскій національный шовинизмъ*: еврейская радикальная интеллигенція не можетъ спокойно, съ достоинствомъ относиться къ принципамъ и проповѣди національной групповой борьбы, хотя бы эта борьба основывалась на одной экономикѣ! Особенно не можетъ еврейская интеллигенція простить этого мнѣ—„идеологу трудовой группы“, отъ котораго она ожидала только защиты еврейскихъ интересовъ: вѣдь въ тотъ самый день, 4 декабря 1909 года,—когда я подалъ Кіевскому Губернатору заявленіе объ изданіи газеты „Кіевъ“, состоялось въ квартирѣ одного изъ моихъ „бывшихъ друзей“, русскаго, къ которому я и сейчасъ отношусь съ глубокимъ уваженіемъ и искреннимъ расположеніемъ,—совѣщаніе учредителей „Общества борьбы съ антисемитизмомъ“, и совѣщаніе это постановило пригласить въ составъ „редакціонной комиссіи“ этого общества трехъ лицъ,—все русскихъ: меня, одного профессора Кіевского университета и одного изъ бывшихъ редакторовъ газеты „Кіев. Вѣсти“. (Всѣхъ лицъ я могу назвать). Намѣченнымъ въ „редакціонную комиссію“ лицамъ обѣщано „приличное вознагражденіе“. На обязанности членовъ редакціонной комиссіи лежало бы—писать статьи противъ антисемитизма въ той газетѣ, которую предполагало основать общество, или въ другихъ, уже существующихъ газетахъ. Въ тотъ же день, или на слѣдующій, я былъ у помянутаго „бывшаго друга“ и онъ сообщилъ мнѣ рѣшеніе совѣщанія. Въ отвѣтъ на это сообщеніе я вынулъ и прочелъ ему рукопись первыхъ главъ моей брошюры „Национализмъ и Евреи“, а 6 декабря въ „Кіев. Вѣст.“ появилось мое „Прощальное слово къ читателямъ“. Въ отвѣтъ на это слово мои „бывшіе друзья“, раньше и злобиѣ всѣхъ евреи, стали громить меня такъ, какъ только могутъ громить злѣйшаго врага. И прежде всего—пустили бьющую на эффектъ, легко покоряющую читателей инсинуацію о моей „казенности“ и подкупности.

Кто же хотѣлъ „подкупить“ меня? Развѣ еврейское „общество борьбы съ антисемитизмомъ“, которое намѣчалось въ Кіевѣ и которое, какъ мнѣ сообщили тогда же, обѣщали поддерживать матеріально кіевскіе богачи евреи—

Бродскіе, Гинзбурги и др.? Но—вмѣсто „приличнаго вознагражденія“ въ „обществѣ борьбы съ антисемитизмомъ“ я предпочелъ рискнуть, не располагая никакими личными средствами, кромѣ болѣе чѣмъ скромныхъ литературныхъ и учебныхъ заработковъ, при поддержкѣ небольшого кружка столь же мало имущихъ лицъ, приступить къ изданію національно-демократическаго еженедѣльника въ надеждѣ, что сочувствующіе поддержатъ такое изданіе и дадутъ ему возможность развернуться въ ежедневную газету—соотвѣтственнаго, строго реалистическаго, эволюціонно-прогрессивнаго, національнаго направленія. Никакихъ переговоровъ съ казной о правительственной субсидіи у меня не было и быть не могло. Въ смыслѣ „профессорской карьеры“ своими выступлениями я скорѣе ухудшилъ свое положеніе: если раньше профессорскія коллегіи избирали меня, то теперь, подъ шумъ обвиненій меня въ реакціонности, человѣконенавистничествѣ и т. п., мой успѣхъ на выборахъ можетъ быть только подверженъ сомнѣнію. Лѣвые стали моими противниками, правыхъ національно-демократическое направленіе, можетъ быть, и не вполне удовлетворить. Моя „карьеря“ пока выразилась только въ томъ, что одно изъ министерствъ въ маѣ мѣсяцѣ сего года усомнилось въ вопросѣ о моемъ допущеніи къ преподаванію даже географіи дѣтямъ!...

И много еще я могъ бы поразсказать о своей „карьерѣ“ и „подкупленности“, но оставляю ужъ это до другого случая. А пока только скажу, что изданіе „Кіева“ стоило намъ болѣе восьми мѣсяцевъ самаго тяжелаго труда, за который мы не получили никакого матеріальнаго вознагражденія! Мы несли свой трудъ не только безкорыстно, но даже и безъ справедливой оплаты. Мы, очень мало имущіе, сдѣлали, что было въ нашихъ силахъ, для общественной мысли, и теперь, если наше обращеніе къ сочувствующимъ не вызоветъ поддержки, со стороны болѣе имущихъ, въ этомъ дорого стоящемъ, особенно по началу, дѣлѣ, мы, можетъ быть, вынуждены будемъ, до пріисканія средствъ, приостановить его, конечно, не отказываясь отъ такой же литературной работы въ другихъ формахъ. Гдѣ же „подкупность“? Гдѣ „карьеря“?...

Нѣтъ ужъ, будемъ лучше бороться только принципиально, только по существу, не прибѣгая къ недостойной печатнаго слова „тактикѣ!...

ПРОГРАММА

еженедѣльной общественно-экономической, политической и литературной газеты

„КІЕВЪ“

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА: на годъ—5 руб.; на полгода—3 руб.

Адресъ Редакціи и Конторы: Кіевъ, Сафіївская, 7.

Основная задача газеты—защита экономическихъ, культурныхъ и политическихъ интересовъ **коренной** массы населенія Россіи вообще, и южнаго, малорусскаго района, преимущественно тяготѣющаго къ Кіеву, въ частности. Газета обслуживаетъ интересы: мелкихъ и среднихъ сельскихъ хозяевъ, особенно хозяйственнаго крестьянства; мелкихъ и среднихъ промышленниковъ и торговцевъ; сельскаго и городского рядового духовенства; служащихъ въ земскихъ и городскихъ самоуправленіяхъ, въ правительственныхъ, общественныхъ и частныхъ учрежденіяхъ, и тому подобныхъ представителей *среднихъ классовъ* населенія, объединеніе и самоопредѣленіе которыхъ на почвѣ національно экономическихъ и политическихъ интересовъ служить руководящей идеей газеты.

1,92 (1987)

Книги и брошюры того ж

Р 1
7149

Общественно-политическія.

Націоналізмъ и Евреи, Кіевъ, 1910, 16 стр. ц. 20 к.

Политическія партіи и группы въ Государственной Думѣ. Москва, изд. „Польза“, 1907, 317 стр. ц. 1 р.

Первая Дума. Статьи, замѣтки и впечатлѣнія бывшаго члена Госуд. Думы. Москва изд. „Польза“, 1906, 365 стр., ц. 1 р. 20 к.

Бюджетная и податная политика Россіи. Москва, изд. Сытина, 1908, 240 стр. ц. 1 р.

Научныя-сельскохозяйственныя.

Основы Частнаго Земледѣлія. СПб., изд. А. Ф. Девріена, 1910 г., 285 стр. ц. 3 р.

Усвоеніе минеральныхъ веществъ растеніями. СПб. 1907, 258 стр., ц. 2 р.

Влажность псчвы въ связи съ культурными и климатическими условіями. Кіевъ, 1904, 334 стр. ц. 2 р.

Къ вопросу о значеніи сервитутовъ въ поземельныхъ отношеніяхъ нашихъ западныхъ окраинъ. Спб., 1903, 52 стр. ц. 50 к. Отд. от. изъ „Научн. Обзор.“.

Педагогическія.

Учебникъ Природовѣдѣнія. Кіевъ, изд. „Сотрудникъ“, 1910, 256 стр., ц. 1 р. 20 к.

Вопросы половой этики—статьи педагогическія и литературныя. СПб., изд. Вольфа, 1909, ц. 80 к.

Классицизмъ и реализмъ, Москва, 1903, 67 стр. ц. 40 к.

Нѣжинскій Лицей. Отд. от. изъ „Вѣстн. Восп.“, ц. 30 к.

Университетъ и агрономія. То же, ц. 20 к.

Совмѣстное обученіе. Отд. от. изъ „Рус. Шк.“, ц. 30 к.

Интеллигентныя силы Россіи. То же, ц. 30 к.

Т. В. Локоть.

Львів. Бібліотека
АН. УРСР

Оправданіе націонализма.

Рабство русской радикальной
интеллигенціи.

Національ-демократія.

ЦѢНА 30 КОП.

Зач. 194-24750
Т. 868 1-1-1000
1949.

Складъ изданія у автора, Кіевъ. Софійевская. 7.

КІЕВЪ.
Типографія Акц. Общ. „Петръ Барскій“ Крещатикъ 40.
1910.